

О критике и самокритике

Вся система советского общественного и государственного строя дает наилучший выход народным силам, максимально мобилизует эти силы, опирается на их непрерывный рост. История человечества не знала еще такого государства, как советское государство, политика которого основывалась бы на научном понимании законов общественного развития и которое в наиболее адекватной форме выражало бы интересы народа.

Однако и при социализме противоречия в обществе не исчезают. Неправильно представление о том, будто при социализме в общественной жизни нет противоречий, конфликтов, коллизий, борьбы. И при социализме действует вечный закон борьбы между новым и старым, между отживающим и нарождающимся. Однако формы проявления этого закона коренным образом отличны от того, как он проявляется в эксплуататорских обществах. Ленин говорил, что при социализме антагонизмы исчезают, но противоречия остаются. Противоречия в условиях социалистического общества немало: одни преодолеваются, одновременно возникают новые. Процесс борьбы между старым и новым, между отжившим и растущим идет и при социализме непрерывно.

В условиях социализма еще до конца не уничтожены противоположности между городом и деревней, различие между людьми умственного и физического труда. Отсюда разные условия жизни и труда у советских людей, различные культурные и бытовые потребности.

Далее, социалистическое общество в своем развитии наталкивается на вреднейшие пережитки капитализма в сознании людей. Пережитки эти сильны и живучи. Они находят свое выражение и в некоммунистическом отношении к труду, и в антигосударственном отношении к общественному, народному долгу, и в бытовых, семейных отношениях. Они проявляются порою в виде идеологических штандалов и отдельных представителей нашей интеллигенции. Эти пережитки выступают и как проявление гнилого рабского пережитка — эгоизма. Националистические влияния также представляют собою один из вреднейших и опасных пережитков капитализма в сознании людей. Само собой разумеется, что борющийся мир, капиталистическое окружение атакует все эти пережитки, стремится их поддерживать и сохранять.

Рост жизненных потребностей народных масс, необходимость создания условий для культурной и зажиточной жизни всех советских людей ставит перед нами задачу неуклонного повышения производительности труда и развития производства. А это, в свою очередь, означает, что нужна борьба против отсталости, против тех, кто дает недостаточную высокую производительность труда, против лодырей и лентяев.

Все это — противоречия, борьба, но они существуют у нас и требуют борьбы, требуют преодоления. Важнейшим рычагом преодоления противоречий в советском обществе являются критика и самокритика.

В условиях антагонистического общества происходит борьба классов и борьба партий, представляющих и выражающих противоположные интересы этих классов. Классы и партии борются друг с другом, критикуют друг друга, выступают с угрозами, выступают в борьбе, с оружием в руках друг против друга. Это — закон жизни и развития антагонистических обществ.

Принципиально иное положение в нашем советском обществе. У нас нет антагонистических классов. Между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией у нас существуют дружественный союз и братские сотрудничество. У нас нет и не может быть никаких других партий, кроме партии большевиков, являющейся авангардом всего советского народа. Но так как у нас имеются свои противоречия, происходит борьба между новым, нарождающимся, и старым, отмирающим, идет непрерывное развитие вперед от низшего к высшему во всех сферах общественной жизни, то закономерности развития нашего строя являются критика и самокритика.

Партия большевиков — мозг и душа советского общества, выразительница его государственных интересов Советского Союза, выступающая против всяких проявлений аполитизма, местничества, теней и стремлений. Она — основная центрирующая сила нашего многонационального социалистического государства.

Вся своей деятельностью на благо родины партия большевиков так сроднилась с народом, добилась такой высокой степени внутреннего контакта с народом, так глубоко выражает его интересы, что ее политика воспринимается всем народом, как его собственная политика. Моральная связь партии большевиков с народом крепка, как никогда. И именно поэтому партия большевиков со всей силой заостряет вопрос о критике и самокритике, как о важнейшем принципе своей деятельности.

Огромный размах строительства, гигантская сложность работы требуют от партии постоянных усилий, постоянного самообразования, самовоспитания, а также воспитания и обучения трудящихся нашей страны. Только при условии непрерывной борьбы против всего отсталого, зашлого, гнилого, против всего, что тянет назад, при условии непрерывного повышения требовательности к себе партия в состоянии преодолевать, встречающиеся на пути трудности и непрерывно двигаться вперед.

И. В. Сталин указывал, что никогда еще в мире не было такой могущественной и авторитетной власти, как советская власть, такой сильной и влиятельной партии, как большевистская партия. Чем выше авторитет партии, чем сильнее она сроднилась с народом, чем больше ее влияние на всю жизнь, тем нужнее критика и самокритика.

В нашей действительности еще нередко встречаются работники, тормозящие дело в мешающие двигаться вперед, которых в свое время метко охарактеризовал и заклеймил товарищ Сталин.

Это, во-первых, люди, имевшие известные заслуги в прошлом, но оставшие от жизни, превратившиеся в спесивых и завязавшихся бюрократов, которые считают, что в силу их старых заслуг им якобы может быть все позволено, что советские и партийные законы не для них писаны. Это, во-вторых, «честные болтуны», люди, может быть, преданные всей душой советской власти, но не умеющие руководить делом в способные угодить всякую живую работу в общих разговорах.

Это, далее, люди, не любящие, не терпящие самокритики, отмахивающиеся от нее, как от назойливого приставания, — дескать, опять эта самокритика, опять «выборачивание названку» наших недо-

статков. Это люди, думющие лишь о том, «незлы ли дать нам пожить спокойно». «Ясно, — говорил товарищ Сталин, — что эти «лакированные» коммунисты не имеют ничего общего с духом нашей партии, с духом большевизма».

Партия большевиков, как руководящая сила нашего общества, повседневно бичует отжившие формы и методы работы, преодолевает все устаревшее, потерявшее значение в области политики, экономики, культуры. Как заботливый садовник, наша партия выращивает, бережет и пестует все передовое, новое; поддерживает все способное к развитию, движущее вперед нашу культуру, экономику. С тщательным вниманием партия анализирует все, что рождается в творческой инициативе народных масс, отбирает все ценное, обобщает и делает его достоянием всего народа. Стоит в труде и творчестве народа родиться чему-нибудь новому, полезному, передовому, стоит возникнуть в жизни какой-нибудь новой форме социалистического соревнования, смело начинающим новатором производства, науки, техники, культуры, — партия тотчас же подхватывает эту инициативу, широко популяризирует ее, мобилизует внимание масс к ней, воспеывает многочисленных поощряемых.

Герцен как-то сказал, что история и будущее принадлежит только одной партии — партии движения вперед. Именно такой партией, смело и настойчиво использующей инструмент критики и самокритики, является наша большевистская партия. Товарищ Сталин писал: «Пусть партия, пусть большевики, пусть все честные рабочие и трудящиеся элементы нашей страны вскрывают недостатки нашей работы, недостатки нашего строительства, пусть намечают пути ликвидации наших недостатков для того, чтобы в нашей работе и в нашем строительстве не было застоя, болота, гниения, для того, чтобы вся наша работа, все наше строительство улучшалось изо дня в день и шло от успеха к успеху» (Сталин, «О работах съездов ЦК ВКП(б)», «О работах съездов ЦК ВКП(б)» и «О работе ЦК ВКП(б)», «Ленин и Сталин о партийном строительстве», т. II, стр. 491).

О том, насколько благотворно и живительное действие большевистской критики и самокритики, свидетельствуют многие факты. Год назад ЦК ВКП(б) принял ряд известных постановлений по вопросам литературы и искусства, в которых резкой критике были подвергнуты факты аполитичности и безидейности, проявившиеся в ряде произведений. Эти решения имели своей задачей усилить неаполитичность ко всякого рода идеологическим вывихам в литературе, они требовали развертывания борьбы против буржуазной идеологии и буржуазной культуры.

Прошел всего год, и какие замечательные результаты этих решений Центрального Комитета в делах литературы и искусства можно уже отметить! Улучшились литературные журналы, появились ряд новых значительных произведений советской прозы, оживилась вся литературная жизнь, поднялась общественная и политическая активность деятелей литературы и искусства. Стали известными новые литературные имена, обнаружилось новые силы и таланты, становящиеся гордостью советской культуры. Таково благотворное влияние принципиальной большевистской критики и самокритики.

Летом этого года по решению Центрального Комитета партии была проведена философская дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Эта дискуссия превратилась в своеобразную всеобщую философскую конференцию. С принципиальной большевистской прямотой и резкостью были подвергнуты критике забвение принципа партийности философии и объективистская концепция, безудный, профессорско-бюрократический, аполитичный подход к оценке философских систем прошлого, которыми прокинута эта книга.

Указывалось, что такое освещение истории философии не помогает идейному воспитанию наших кадров, поднятию их боевого духа для борьбы против буржуазной идеологии, а способно только развращать их. Суровой критике подверглись также положение дел и недостатки в области научно-исследовательской философской работы: отрыв от действительности, трусость и нежелание заниматься актуальными вопросами жизни, которые характерны для многих работников философского фронта.

Своевременны и актуальны указания ЦК партии по философским вопросам, наше свое выражение в выступлении на философской дискуссии тов. А. А. Жданова. Болезнь объективизма, аполитичности, отход от принципа партийности науки и философии стали довольно распространенным явлением. Приведем некоторые примеры.

Недавно широко обсуждалась книга С. Рубинштейна «Основы общей психологии». Выяснилось, что и в этой книге историко-психологические проблемы изложены автором беспристрастно, без политической остроты, несмотря на то, что история психологии представляет собою картину острой борьбы между материалистическим и идеалистическим направлениями. Психологические учения даны автором вне связи с общественной жизнью каждой эпохи, с условиями классовой борьбы. Нет также в книге должной критики и разоблачения современных реакционных направлений в психологии, хотя, как известно, фашистские урядники в науке всячески старались «приспособить» психологию к расизму, поставив ее на службу гитлеровскому расизму. Известно, что в современной американской философии процветают крайние реакционные школы Вудворта, Дьюи и др.

Недавно на страницах нашей газеты справедливо критиковалась работа т. Обломовского «Французский романтизм» за пороки объективизма, академизма-бесстрастного подхода, проявленные автором, в частности в отношении реакционного французского романтизма.

Все эти данные говорят нам о том, насколько своевременной и необходимой оказалась дискуссия по философии, всем острым своим направлениям против аполитичности в науке, против академизма и отсутствия боевого духа.

Итоги философской дискуссии требуют от наших кадров во всех областях научной и общественной деятельности боевой наступательной борьбы против умирающей буржуазной культуры, против смрадной империалистической реакции, отравляющей мир миазмами своего гниения и разложения, стремящейся еще раз вернуть народы в пучину разрушительной войны.

Акад. М. МИТИН

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 43 (2358)

Суббота, 4 октября 1947 г.

Цена 40 коп.

Борьба за стальной лист

Александр БЕК

Трудно сдерживать волнение, слова изумления и восторга, когда рассказываешь о том, что произошло в этом году на «Запорожстали».

Тонколистовый стан рвали пускать в тиши, глубокой ночью, чтобы не собралось слишком много народа. Но люди, которые возродили из развалин, из железненого бурелома этот цех, горячий диспутатор «Запорожстали», с вечера стояли в пролетах и не хотели уходить, оживая первого листа. Пришлось наскоро установить полторадцать метров деревянного заборчика вдоль линии проката.

В эту ночь снаружи, у стен цеха, там, где еще несколько дней назад я видел ржавые завалы железа, сгружили черное, высказали цветы, огражили клумбы.

И вот, наконец, пуск. Слегка протрещала нижняя заслонка нагревательной печи, отсюда мягко выпала на массивные стальные ролик ослепительно раскаленная толстая пластина металла — так называемый «сляк». Где-то невидимый нам оперный поперунок рюклетку, и ролик двинулся, стали вращаться; тотчас струнлась, поехала по роликам раскаленная сталь. Восемь клетей, восемь пар валков на ее пути. Они обжимают, растягивают ее, она бежит все быстрее и быстрее, превращаясь в тонкий стальной лист. Из последней клетки широкая лента листа вылетает со скоростью до семидесяти километров в час, — ее не нагоншишь бегом.

Все следят за этой вылетающей малиново-красной, на глазах темнеющей, будто нескончаемой лентой. И вдруг... Я не успеваю заметить, как это случилось. Хвост ленты обрван, механизм стана разорвался раскаленным полотно стали. Из последней клети все еще стремительно выносится лист, а обрванный хвост вздыблен посреди линии проката. Что это? Авария? Неудача? Неужели сегодня пуск сорвался?

Нет. Прокатчик «Запорожстали», переселившийся в годы войны на Восток, уже девять лет, т. е. с 1938 года, работает на таких станах. Для них это происшествие — знакомый, обыкновенный случай при наладке. Застрявшую, обрванную полосу быстро разрезают автогеном, мостовой кран вытаскивает, подымает и уносит ее. Затем некоторые время гаечными ключами и другими инструментами настраивают клети. Все в порядке, прокатчик отходит. Валаек вновь протрещала нижняя заслонка нагревательной печи, вновь мягко падает на ролик ослепительно яркая толстая пластина. Сейчас она двинется, пойдет в валки.

В эту минуту сердце переполняется гордостью за нашу страну, за ее людей. Непрерывный тонколистовый стан, восстановленный на «Запорожстали», — единственный на континенте Европы. Ни одно государство в Европе, кроме Англии, не имеет подобного стана. Мы, сыны некогда отсталой России, стали народом замечательных строителей, механиков, электриков, прокатчиков, мы можем теперь быть техническими инструкторами в любой стране Европы по сооружению и наладке таких станов.

По завертывшимся роликам ползла, поехала вторая штука металла. Она бежит и бежит, становясь все длиннее, все тоньше. Второй раз на простор стального помоста, который оканчивается где-то в смутной дали цеха, выносится темномалиновая лента. Тишина. Лишь мощно и ровно, как море или отдаленный водопад, шумят механизмы. Выносятся последние метры полосы, вот мелькнул ее хвост и... и мерный шум машини вдруг заглушается аплодисментами. Никто не держал речи, никто не выкрикнул горячих слов, но радость и волнение провались в рукоплескание. Все аплодируют, многие не сдерживают улыбок, а про железную полосу уже мчатся третья лента.

Но этим еще не завершено сражение за автомобильный лист. В сентябре предстоит пуск цеха холодной листоделательной печи. Лента металла будут прокатываться в холодную, приобретая нужные свойства для штамповки.

Там, в листоделательной, высококачественные роллеры Ново-Краматорского завода еще ведут сборку оборудования; машины подъемных кранов передвигают в воздухе тяжелые ролики, моторы, подпорные плиты, массивные части прокатных устройств; еще выше, над перелетом железных ферм, кровалящие стеклят огромный фонарь крыши; внизу нависают на грузовики и вывозят из цеха строительный мусор; изредка подкатывают грузовики-самосвалы со свежим бетоном, его тотчас спускают бетонщикам в туннели, где устанавливаются мощные насосы маслосмазки; в цехе, словно в лагере, горят костры, над огнем в небольших котлах кипит смола, подрастающие ремесленники обжигают туля деревянные шестиугольные шашки, всюду насыпанные кучами, и укладывают горшочки пол.

Все эти работы, от кройки до туннелей, ведутся одновременно. Пройдет еще немного суток, и здесь, на холодной прокатке, в просторах цеха, побелеющего серебристо-алюминиевой краской, безостановочно помчатся лента автомобильного листа.

Много чудесного совершили на своем веку советские строители, особенно в годы войны. Но то, что ныне, летом и осенью, происходит на «Запорожстали», по признанию строителей, — самое выдающееся достижение. Таково стремительное, блистательное наступление еще не знавал, пожалуй, ни одна наша площадка с самым славным именем!

Естественно, ищем ответа, задумываемся, — в чем же тайна этой победы? Скажу лишь о самом главном.

Ранней весной, в марте нынешнего года, Центральный Комитет партии обсуждал вопрос о «Запорожстали». На этой стройке к тому времени государственные задания были дважды сорваны, восстановление разрушенного немцами завода затнулось. В Москву был вызван с площадки портрет ЦК ВКП(б) тов. Соболевский. Его отчет был поставлен на заседании — отчет о партийно-политической работе на строительстве. Заседание вел товарищ А. А. Жданов. Он выступил сразу как только закончил портрет. Соболевский встал, стал записывать. Но товарищ Жданов словно хотел видеть, доходит ли слова до души. Вернувшись на «Запорожстали», Соболевский пошел к рабочим. На многих собраниях он рассказывал коммунистам и беспартийным рабочим площадку, как товарищ Жданов трижды во время своей речи подходил к нему, брал за плечо и, отводя от блокнота, глядя в глаза, пытался спрашивать: — Так понял вы, товарищ Соболевский? — Да, товарищ Жданов, понял. — Но Жданов не отходил.

Поялы вы, что такое сейчас для нашей страны автомобильный лист? Поялы, что дело идет о независимости нашей Родины? Знаете ли вы, как часто товарищ Сталин спрашивает о «Запорожстали»? Портрет отодвинул блокнот, позабыл о намерении записывать, и смотрел на товарища Жданова.

Слова товарища Жданова дошли до тысяч строителей «Запорожстали». Это они в ночь пуски, — многие в праздничных костюмах, некоторые с семьями, — пришли в цех тонкого листа и не хотели уходить, пока не будет прокатан первый лист. Это они в рукоплескание, когда из молчаливых механизмов буквами гордо сияет марка фирмы: «Ново-Краматорский завод имени Сталина», вымысла готовая лента. Это они на утро плечи восстанавливать листоделательный цех, новый день наступления, — герои последней пятилетки, воодушевленные Сталиным, партией, высокими идеями, начертанными на советских знаменах.

Оджды на оперативке, — за совещаниями, что проводились каждый вечер, — он резко спросил инженера-субподрядчика, который, не выполнив графика, жаловался, что ему не подлезли материалы: — Сколько у вас людей? — Двасти человек. — Можете забирать их и отправляться к себе в Харьков. Справимся без вас. Обязательств вам жизнь. Задания с вас сняты. Можете быть свободны.

— Но почему же? Но как же я? — Это дело ваше. Надо уметь вязать материалы, добывать. Прощайте. Инженер-субподрядчик, конечно, не уехал. Он выучился работать в суровой школе «Запорожстали».

Когда я вхожу в предпраздничный день поздравился с Дымшиным он сказал мне: — Теперь вы понимаете, почему я бываю так резок? У нас не было времени, чтобы деликатничать.

На торжественном митинге-концерте возник второй ярус без всяких дополнительных конструкций, — возник неожиданно для всех.

Сотни юностей и девушек забрался по железным скобам на 20 метров вверх, на широкие — шириною в тротуар — опорные балки мостового крана и устелил там. Некоторые поднялись еще выше и нашли удобные местечки среди железных переплетов верхних ферм. Сперва я туда гляделась с тревогой. Но потом сообразил: ведь они верхолазы, они сами монтировали эти переплеты и балки, они привыкли к высоте.

Они сидели так, вольно свесив ноги. Кто-то заплел, и весь ярус молodeжи подхватил. Песня витала в этом зале, где могли уместиться несколько театров Москвы.

Еще и еще раз в мыслях возникали знаменательные слова товарища Жданова: Да, мы уже не те русские, какими были когда-то.

Нане все мы живем на новых исторических высотах, все мы привыкли к высоте. Торжественный митинг открыл партрот ЦК ВКП(б) Соболевский. В пролете — в одном из восьми пролетов цеха — собралось пятнадцать тысяч человек. Между сценой и зрительным залом пролегал железнодорожный путь. Паровоз пыхнул в воротах цеха. После речи Соболевского раздался гул отпраздничания, и плавно тронулись открытые платформы, груженные автомобильным листом.

Состав отправился в Москву. На платформах — плакаты о победе запорожцев, приветствия великому Сталину. Во втором ряду сидит девушка с цветами. Я вижу ее лицо. Кажется, один миг она колеблется, затем берет цветы на медленно проходящие платформы. И еще откуда-то летят цветы и цветы.

Это был самый трогательный момент праздника. Я сижу рядом со старым строителем инженером Луканкиным и вижу, как улаживают его глаза.

Он говорит: — Мы, тертые люди, редко плачем. Я не мог удержат слезы, когда первый раз увидел эти взорванные листопротачные цехи. И вот видите, теперь тоже не смог.

Что сказать еще? После митинга, после парада победы все ожидало отклика, ответа, телеграммы Сталина. И вот она пришла.

«Ваша работа показывает, что советские люди, применяя передовые социалистические методы труда, решают большие и сложные задачи...»

Это великие слова: «передовые социалистические методы труда». И снова вспоминается, как Неуджко ответил на вопрос, как же они это сделали: — Головой, умом!

Я спросил: — Неужели все уже готово? — Да. — Как же вы это сделали? Неуджко ответил: — Головой, умом!

Войдя в раскрытые железные ворота цеха холодного листа, где еще две недели назад были навалены всякие строительные материалы, где тогда еще перелопачивали бетон и на кострах грели смолу, я вдруг увидел гору некрашенных деревянных скамеек. За ними светлыми просторами огромного цеха, протянувшегося почти на километр.

Из скамеек быстро составлялись ряды. Здесь в первом пролете цеха готовились к завтрашнему празднику зрительный зал на десять тысяч человек. На сцене я увидел начальника строительного участка Анатолия Николаевича Комара. Устроиться зрительного зала было его последней строительной работой на диспутаторке. Помолодевший, улыбающийся, в праздничном костюме, здороваясь, он пошутил: — Теперь я директор Запорожского академического Большого театра.

Казалось, он был снова, как когда-то, комсомольцем, веселым организатором спектаклей и клубных вечеров.

Живя в «Запорожстали», я с интересом приглядывался к Дымшицу, командиру стройки, человеку с острыми чертами, с выпуклым, красным лбом. Он нередко бывал беспощадно резок с подчиненными.

С. МАРШАК

Мысли вслух

Всемирной пользуется славой Американец Вашингтон. Его упорством в битве против Восставший край освобожден.

Мы чтим великого Линкольна, Которому нанес удар Работогоревец недовольный, Терпя прибыльный товар.

Нам ярко светит из тумана Воспоминание о втором. О лунном Рузвельте — Делано, Не запятнавшем Белый Дом.

Он был силен, благоразумен, Великодушью открыт. Он был не то, что мистер... Пусть мистер Смит меня простит.

Я не желаю инцидентов И на уста клепать печаль, Но сто процентов президентов Я не обязан обожать!

Родоначальник аварской литературы

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

История молодой советской аварской литературы тесно связана с именем Гамзата Цадасы. Можно смело сказать, что его творческий путь отражает этапы развития литературы аварского народа.

До революции у аваров не только не было литературы, но и сама письменность имела весьма ограниченное применение. Как и во всем Дагестане, главенствующим в Аварии был арабский язык.

В таких условиях тем более поразительно появление такого яркого национального таланта, каковым является Гамзат Цадаса. Гамзат — один из первых писателей, начавших писать по-аварски.

В стихах Гамзата впервые прозвучали народные мотивы, из фольклора он черпал сюжеты, образы и самую поэтику стиха.

В начале своей поэтической деятельности Гамзат Цадаса — только сочинитель шуточных стихотворений, круг его тем не выходит за пределы родного аула.

Октябрьская революция освободила аварский народ от пут феодализма, открыла перед ним широкую дорогу к лучшей жизни. Широкой стала и поэзия Гамзата; он становится участником и глашатая революции.

Смелая борьба поэта против лже-имамов Нажмуллина Гоцинского и иже с ним — это уже большое народное дело. Стихотворение, направленное против Гоцинского, предрекает в своего рода воззвание и приобрело большую популярность среди аварцев.

Появляются лирические стихи Гамзата о большой родине, о дружбе народов, о воле и духе народов — Сталине. С переустройством жизни горцев Дагестана на социалистических началах борются старые аваты.

Тут-то творческая изобретательность Гамзата показала чудеса! Он расцвел, как стиринк. Всегда убедительно, с большим мастерством он разоблачал грязные замыслы врагов революции, мертвечину аватов, беспомощность старых обычаев. Многие стихи, басни, сатиры Гамзата сыграли совершенно исключительную роль в целом ряде культурных мероприятий, в походах на невежество.

В первые дни Великой Отечественной войны Гамзат обратился к пламенной стихотворной речи по радио к народам Дагестана; он звал к яростному, сокрушительному отпору гитлеровской своре. Поэт обещал аулы, беседуя с людьми, читал свои новые произведения, направленные против захватчиков. В 1942 году он выпустил книгу «За родину», ставшую одной из самых популярных в Аварии. После войны Гамзат написал немало острых сатир против врагов нашей отчизны.

Гамзат Цадаса создал целую серию сказок и очень тонко переработанных легенд для детей. Его можно смело считать зачателем и детской аварской литературы.

Немало потрудились поэт и в области драматургии. Его пьесы отличаются ярко очерченными характерами и выразительностью разговорной речи. Именно благодаря ему еще столь молодая аварская литература обратилась к социалистическому реализму, стала на верный творческий путь.

Деятельность Гамзата Цадасы еще раз показала, как народная культура укрепляется под благотворным влиянием ленинского сталинской национальной политики.

Мы горячо желаем нашему Гамзату еще многих лет, а в том, что они будут творческими, мы не сомневаемся.

Магомед Саид САИДОВ,

Рис. В. ПРОРОКОВА. ЕМУ ВИДЕЙ!

«Корейский народ... еще не свободен», — сказал генерал Маршалл в своей речи 11 сентября.

В ЮЖНОЙ КОРЕЕ...

Гамзат ЦАДАСА Черчиллю

Кричи, кричи, о муж громкокричащий, Тебе шакалы вьются в темной чаще.

Твоих речей разбужены раскатом, Тебя гниены нарекали собратом.

Искусен ты не только в громком крике, Но и в делах искусник ты великий:

Ты можешь, обещанье дав соседу, Его нарушить в тот же день к обеду.

Ты хочешь стать поповодом народу, Чтобы столкнуться его скорее в воду.

И суть любого твоего доклада: «Чтоб мир спасти, его разрушить надо».

Когда в домах ты произносишь речи, То кажется, что хочешь ты поджечь их.

И дым такой — от слов твоих угарных, Что не мешало бы позвать пожарных.

И был бы ты не презабуден в коварстве, Когда б в другом заморском государстве

Не появился тоже запах гарни, Который испускает некий Гарри!

Переведл с аварского Я. Сашки и О. Высотская.

Его наградили Гитлер

Господин Зурико Гаспар Дутра, президент Бразилии, еще не успел сам обидеться, как за него это сделал американский дипломат мистер Смит.

Десять, зря господину Дутра «приспосаблился» к связи с державами оси в предыдущий период.

Господин Зурико Гаспар Дутра, может, еще только размышляет, задумчиво теребит орден, пожалованный ему Гитлером, стоит ли вообще обижаться. А американский защитник уже удостоил его звания «нашего верного и преданного союзника» со ссылкой при этом на «ход истории» и одновременно, правда, с осторожной оговоркой: «после 1939 года».

Если господин Дутра не совсем лишен чувства благодарности, он должен был бы поморщиться при этих словах: ну, стоит ли, в самом деле, ворошить историю? Ведь при этом может выясниться такая история...

А в самом деле, не поворочить ли? Ведь скандальная история открыта для всех, как до, так и после 1939 года. Перелистайте же историю возвышения господина Зурико Гаспара Дутра, надей предварительного перчатка.

Много лет военная карьера господина Дутра протекала на редкость бесцветно. В возрасте 43 лет он все еще был майором, хотя бразильская армия, не отличаясь избытком солдат, кишела генералами.

Но с 1931 года господин Дутра продвигается вверх с наполеоновской стремительностью; за три года он становится генералом; затем последовательно — командующим столичным гарнизоном, военным министром и, наконец, президентом Бразилии.

С чего бы это? Может быть, в господине Дутра бурно раскрылись военные таланты на полях сражений? Но Бразилия ни с кем не воевала. И вообще в Бразилии генералы рождаются не на полях сражений. В Бразилии генералы рождаются на кофейных полях.

Ноязь эту стратегическую истину, «наш верный и преданный» крепко связал с теми олигархическими аграрными кланками, которые правят страной. Около тысячи крупных кофейных плантаторов владеют 91% бразильских земель. Они-то и сделали в 1937 году бразильским президентом фашиста Варгаса, уничтожившего в стране последние остатки демократических свобод и установившего при деятельной помощи господина Дутра режим военной диктатуры. Таким образом генерал Дутра, можно сказать, вырос на кофейных бобах.

В те же годы у него энергично развивалась «какая-то связь с державами оси». Частые посещения господина Дутра германского посольства завершались военным заказом на 60 миллионов долларов, который господин Дутра сделал крупно через личного представителя Гитлера в Бразилии. Правда, это было до 1939 года. Но, перевалив через эту дату, беззастенчивая страсть господина Дутра к фашистской Германии не утихла.

К тем же годам относится возвышенная дружба господина Дутра с неким фон-Косселем, при встрече с которым порядочные люди обычно отворачивались. Фон-Коссель не занимал никакого официального поста. Он был инструктором «интерналистов» — иначе говоря, бразильских фашистов.

Но фон-Коссель обладал широкой натурой и не чурался никакого прибыльного дела, начиная от контрабандного ввоза оружия для бразильских фашистов и кончая попыткой государственного переворота. Но даже отчаянная диктатура Варгаса не удовлетворяла руководителей фашистской Германии.

После одного из таких неудавшихся покушений на предпринимчивого приятеля господина Дутра пришлось удалиться из Бразилии, поскольку живость его характера начала выражаться в достаточно бестактной форме прямого вмешательства во внутренние дела Бразилии.

Разула, впрочем, дядялся недолго. Фон-Коссель вскоре вернулся в Бразилию, забронированный на сей раз званием «атташе германского посольства по культурным вопросам».

Ладно представлять себе, какого сорта «культуру» он представлял. Американский

Л. СЛАВИН

журнал «Тайм», описывая темпераментную деятельность фон-Косселя, называет его «ассом бразильской пятлой колонны». Фон-Коссель открыто организовывал штурмовые батальоны из немцев, населяющих Бразилию (города Бломану, Порто-Алегри и др.) в количестве не менее миллиона человек.

Фашистский орден, присланный Гитлером для господина Дутра в воздаяние политических симпатий «нашего верного и преданного», был передан ему именно атташе «по культурным вопросам».

Правда, то было до 1939 года. Но «ход истории» на этой дате не остановился. История имеет неприятную особенность продолжаться.

Наступил 1941 год. Немцы самолеты варварски бомбили британские города. Англия пылала. Именно этот драматический момент войны министр Бразилии генерал Дутра нашел наиболее подходящим для того, чтобы открыто выступить против каково бы то ни было сближения с Англией и публично подчеркнуть свои прогитлеровские симпатии. В том же 1941 году, то есть спустя два года «после 39-го», «наш верный и преданный» осмелев до того, что демонстративно пригрозил уйти в отставку, если будут осуществлены подготовлявшиеся тогда разрыв Бразилии с державами оси».

И все же генерал Дутра пришлось направиться в Вашингтон и там торжественно, в выражениях, полных тропической эзальтации, объявить, что Бразилия будет сражаться вместе с Соединенными Штатами Америки. Правда, при этом он не спешит точно обозначить срок, когда бразильские войска придут на фронт. У нас, в Советском Союзе, эта затежка не вызвала большого волнения. Мы решили: как-нибудь обойдемся без Бразилии.

Что касается генерала Дутра, то он, по видимому, после посещения Вашингтона пришел к выводу, что до момента открытия «второго фронта» в Европе пройдет еще немало времени.

И не потому ли вскоре после вступления Бразилии в ряды союзников, воюющих с Германией, господин Дутра вынужден уйти в отставку известного бразильского деятеля Пазлемеса? Поводом к этому послужила речь Пазлемеса, в которой он призывал поддержать союзников в Европе.

Бразильская армия получила боевое снаряжение. Вскоре она пустилась в ход. В городе Парайва-до-Норте состоялся общегражданский митинг солидарности с союзниками. Офицеры господина Дутра самоотверженно разогнали его. Военный министр Зурико Дутра публично приветствовал офицеров за проявленную им при этом лихость. Было это в августе 1944 года, то есть через пять лет после тысячи девятьсот... ну, и так далее.

Нюхнув пороку в боях против собственных граждан, бразильские полки выехали на фронт, в Италию.

Командовал ими сам «кофейный полководец» генерал Зурико Гаспар Дутра. Не будучи военным специалистом, я представляю слово бразильской газете «Диарно де Нотисиас», характеризующей боевую деятельность своего соотечественника лаконично, но выразительно: «Нам кажется второстепенным, что он имел под своей командой в течение нескольких часов небольшой участок союзного фронта против гитлеровских войск, ибо он вынужден был побороть свои наклонности под давлением народного стремления к демократии...»

Что это было за наклонности, хорошо известно по предшествующим боевым подвигам генерала Дутра. Например, по разгрому в 1935 году безоружных толп голодных бразильских крестьян, поднявших восстание. Или по расстрелу из пулеметов митинга студентов, потребовавших свободы слова в ноябре 1943 года.

Но кто вообще сказал, что бразильская армия должна воевать? У нее достаточно хлопот не на поле боя, в Европе, а у себя дома. Так полагают по крайней мере генерал Дутра.

Вернувшись из своего «Итальянского похода» и увенчанный лаврами победы, он твердо решил быть выбранным в президенты. И хотя бразильская армия не имеет по конституции права выбирать, но зато она присвоила себе право «делать выборы».

Стой целью генерал Дутра посадил своих офицеров во все органы цензуры и контроля. И в то время, когда Советская Армия воевала на полях сражений, бразильская армия стойко защищала бразильские экраны от появления советских хроникальных фильмов. Было похоже, что прославленный «кофейный полководец» попросту боялся паших красноармейцев даже тогда, когда они появляются на колеблющемся полотне.

Армия вступила в бой за выборы. Командовал генерал Дутра, имея начальником штаба генерала Монтейру. Того самого генерала Гозе Монтейру, который перед войной, посетив Берлин, провозгласил тост за «прекрасные принципы» национал-социализма. Того самого генерала Аурилио Гозе Монтейру, о котором в 1944 году корреспондент «Нью-Йорк таймс» бесстрастно сообщал, что он попрежнему настроен прогитлеровски. Того самого генерала Педро Аурилио де Гозе Монтейру, которого генерал Зурико Гаспар Дутра, ставши президентом, сделал своим военным министром. Боевые заслуги не забываются.

Итак, генералы стали готовиться к бою. Они потянулись свои силы. Нет нужды, что часть их имела весьма отдаленное отношение к бразильскому народу, как, например, аргентинская военно-фашистская организация «ГОУ», давно уже поддерживавшая господина Дутра морально, а главное, материально. Или «интерналисты», среди которых было немало немцев и итальянских фашистов, проживавших в Бразилии. Или, наконец, небольшая, но весьма влиятельная группа аграриев, фактически распоряжавшихся судьями страны, — так называемые «паулисты» по имени штата Сан-Пауло, занятию более чем наполненным кофейными плантациями.

И когда кофейные короли во главе с братьями Симонсенами благосклонно одобрили кандидатуру господина Дутра в президенты, генерал понял, что стратегический бой им уже выигран.

Оставалась техника. Но это для него дело привычное. Обещания реформ, легкий флирт с социал-демократами, много рекламы и очень много мильефросов.

Так генерал Зурико Гаспар Дутра стал президентом Бразилии. Не страдая избытком скромности, он провозгласил день своего вступления на пост президента национальным праздником.

Для народа Бразилии это был день национального горя. Попрежнему здесь парствуют рабский труд и крепостнический строй. Семь восьмых бразильского народа попрежнему косяют в неграмотности. И сейчас народ лишен даже тех немногих демократических свобод, какие были им завоеваны во время войны.

Дутра издал декрет «о запрещении экстремистских идей», подавляющий малейшее проявление свободной мысли. Он издал мандат в кандалы. Он бросил в тюрьмы и на плахи лучших людей страны. Он объявил компартию вне закона. Он распространил траур на всю прекрасную Бразилию.

Депутат Жоао Амазонас, выступая в бразильском парламенте, охарактеризовал господина президента Бразилии Дутра, как «диктатора на службе империализма и фашизма».

Но кровавый режим господина Дутра родственен не только гитлеровскому фашизму, но и всем его сегодняшним разновидностям — фашизму висельника Франко, гандемому «новогосударственному порядку» Салазара, трагикомической диктатуре самовлюбленного прохвоста Перона. Очаровательная компания! Одно лишь упоминание о ней у всякого порядочного человека, по нашему советскому разумению, должно вызвать чувство отвращения. А вот находятся же люди, которые объявляют своим другом «нашего верного и преданного».

Нет, не врет, видно, старая поговорка: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты».

Кинотеатр в гор. Мукачеве, Закарпатской области Украинской ССР. Фото В. Ковригина (Фотохроника ТАСС).

Цивилизованные дикари

Л. ШЕЙНИН

Линч

Суд Линча распел на юге Америки в период борьбы за упразднение рабства. Работодатели таким путем расширяли со своими противниками. Они личичали всех, кто осмеливался заявить, что людям торговать нельзя. По главным образом они личичали негров. Это крайне просто. Поскольку человек запросто хватал первого попавшегося негра. Такого рода «судебная» процедура была лишена всякой волокиты. Негра тащили к ближайшему дереву и, ни о чем его не спрашивая, не утруждая себя ни сбором каких-либо доказательств, ни заслушиванием жалоб со стороны потерпевшей стороны, ни проведением расследования, — зверски истязали, а затем вешали. Вешали дубом. Вешали за то, что он негр. Вешали для того, чтобы он не жаловался. Вешали, несмотря на то, что он был ни в чем неповинен.

Этот отвратительный вид убийства пережил работодателей. Он существует в Америке и поныне, на глазах у просвещенных правителей, декларирующих о праве и морали, о достоинствах американской Фемиды. В 1933 году негр Клод был предан без всяких оснований суду. Его виновность была столь очевидна, что суд вынужден был его оправдать. Но едва он вышел из зала суда, как был схвачен бандой убийц и подвергнут личичанию. Убийцы были невольными тем, что суд посмел оправдать негра. И перестроили приговор...

Это в достаточной мере типичный случай. Даже по данным официальной статистики, в США до 1927 года подверглось личичанию свыше 4.000 человек. Может быть, американским юристам известно, сколько человек подверглось личичанию после 1927 года? Ведь с того времени прошло двадцать лет...

Когда некоторые прогрессивные общественные организации еще до войны заявляли протест против этих беззаконных убийств ни в чем неповинных людей, покойный президент Рузвельт разделил возмущение протестующих. Ему принадлежит смелые и правдивые слова о том, что «суд Линча — отвратительная форма президентного убийства». Но мнения президента оказалось недостаточно, чтобы остановить убийц. Суд Линча продолжается. И убийцы продолжают оставаться безнаказанными.

Американский «Союз защиты гражданских свобод» недавно опубликовал очередной годовой отчетный доклад о своей деятельности. В нем приведены четыре случая личичания. В докладе сообщается также об оправдании в Южной Каролине 28 негров, даже не отравивших своего участия в личичании негров. Как весьма деликатно подчеркивается в докладе, за истекший год в США «имела место резко неблагоприятная перемена в области гражданских свобод американского народа». Оказывается, убийства ни в чем неповинных людей — всего лишь «неблагоприятная перемена в области гражданских свобод»!

Пресловутая «Комиссия палаты представителей по расследованию антамемериканской деятельности» опубликовала недавно доклад, посвященный общественной организации, именуемой «Конгрессом по защите гражданских прав». В этом докладе отмечается, что «Конгресс» протестовал не только против личичания негров, но и

против лишения их права голоса в США. «Комиссия» даже не пытается опровергнуть эти факты; зато она без всяких стеснений обвиняет руководителей «Конгресса» в принадлежности к... коммунистическому фронту.

Неудивительно, что в таких условиях убийцы совершенно обнаглели. Неудивительно, что даже в Европе они чувствуют себя, как дома, и применяют испытанные методы дичайшей расправы с неграми. 16 сентября венская газета «Эстеррейхские фольксшитимге» опубликовала факты, свидетельствующие о существовании вопиющего расового неравенства среди американских военнослужащих в Австрии. Газета отмечает, что преследование американских солдат-негров принимало здесь все более широкие размеры. 14 сентября в венском листке «Виттергартен» «бледнолицые» американские солдаты с воплями «долой негров» набросились на своих «чернокожих» собратьев по оружию и начали их жестоко избивать. Проявив предумышленную жестокость, «бледнолицые» дикари перерезали телефонные провода, чтобы затруднить вызов полиции. Все же несколькими австрийцами удалось выскочить на улицу и вызвать полицию. Она была встречена палками и бутылками. Пришлось затребовать подкрепление. В результате завязавшей схватки 10 человек оказались ранеными.

Аналогичные факты избивания негров имели место в баре «Ориенталь» и в ресторане «Хоххауз».

Газета справедливо указывает: «Австриец с удивлением смотрит на такие инциденты... Он становится свидетелем человеческого несправедливости... Он спрашивает себя: неужели это возможно и сегодня?» В самом деле: почему это возможно? Почему убийцы находятся на свободе? Почему убийства не наказуемы?

Ответ на все эти естественные и законные вопросы мы находим в докладе американского ученого Докса Уилкерсона, прочитанном 23 мая этого года на собрании, организованном «Джефферсоновской школой социальных наук». Честный американский ученый в своем докладе откровенно и прямо сказал:

«В то время как политические ораторы американской буржуазии в своих дипломатических высказываниях, предназначенных для внешнего потребления, болтают о свободе и демократии, они и их хозяева состоят в союзе с угнетателями-буржуазиями и личичателями негритянских масс в «черном поясе» Юга... Профашистская реакция внутри страны и империалистическая агрессия во вне — такова Америка сегодняшнего дня. Наша страна теперь является главной угрозой миру и свободе народов всего мира...»

И как это обычно принято в суде, когда достоверность и правдивость показаний свидетеля бесспорны и очевидны, все прогрессивное человечество сможет коротко произнести в ответ: — Суду все ясно. Вопросы нет.

Александр ГАЛИН Дневник не-дипломата

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ПРОТЕСТА

Обозреватель американской газеты «П. М.» пишет следующее по поводу протеста Государственного департамента против статьи Б. Горбова, напечатанной в «Литературной газете».

«Туиц из Государственного департамента следует вкратчить в том, что они превращают статью, опубликованную в газете, в официальный дипломатический вопрос. Наша собственная бесконтрольная печать, отмечает далее обозреватель, ухитряется говорить грязные, убийственные вещи о советских лидерах и русском народе. «Приним наше правительство не делает никаких усилий для того, чтобы ясно отмежеваться от кампании, проводимой в печати».

Хотя автор в той же статье (очевидно, для того, чтобы сгладить впечатление от своего протеста!) выдумывает кучу небывших по поводу политики Советского Союза, некоторым государственным деятелям США следовало бы все-таки прислушаться к тому, что пишет газета «П. М.» о протесте Государственного департамента.

СВОБОДА ПЕЧАТИ

Редакторы греческих газет «Ризоспантис» и «Элефтери Эллада» направили в Совет безопасности и Генеральной Ассамблее Объединенных наций протест против уничтожения свободы печати в Греции. В заявлении говорится, что «60 лет демократических газет в Греции были закрыты со времени выборов в марте этого года, а их редакторы и авторы убивали, заключали в тюрьмы и высылали».

Редакторы этих двух газет просят организацию Объединенных наций «поддерживать греческую печать, которая со времени гитлеровской оккупации продолжает бороться против фашизма».

Можно заранее предсказать, что ни в Совете безопасности, ни в Генеральной Ассамблее англичанам и американцам некогда будет заниматься этим вопросом, ибо они считают свою свободоловную миссию исчерпанной тем, что обеспечили в Греции свободу для фашистской печати.

АДРЕС

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ

Высокопоставленный представитель протестантской пресвитерианской церкви Ларо в своей речи, произнесенной перед группой представителей церкви 28 сентября, как об этом сообщает корреспондент «Ассошиейтед пресс» из Сизла, обвинял военное министерство и ряд официальных представителей правительства в поощрении действий, ведущих к разжиганию войны. Ларо заявил:

«Я особенно обвиняю военное министерство в том, что оно занимается пропагандой по всей стране, предназначенной развить дух милитаризма, прямо нарушая так своим образом федеральный закон... И в такой же степени это касается других официальных лиц, которые поощряют дух милитаризма и ослабляют основы Объединенных наций».

Предоставив министру юстиции США Кларку, а также коммюнистам из палаты представителей и сенату выяснить, не является ли вышедший руководитель протестантской и пресвитерианской церкви перелетным большевиком. Нам кажется, что устами Ларо говорит взрываются совесть миллионов верующих американцев, что бы об этом ни думали поджигатели войны и их газетные поленички.

ОБЯЗАНЫ ЛИ СЕНАТОРЫ СЛЮБОВАТЬ ПРИЛИЧИЯ?

Государственный департамент организовал 28 сентября специальную радиопередачу «Плане Маршалла», в которой приняло участие сенаторы-республиканцы Джон Шерман Кувер, Ральф Фландерс и председатель Резервного банка в Сан-Луи банкир Честер Дэвис. После того как корреспондент Нэйшнл брадкастинг компании Мэрри сообщил по радио из Лондона точку зрения Великобритания на «Плане Маршалла», организатор радиопередачи спросил сенатора Фландерса, что он думает о точке зрения Лондона. Сенатор Фландерс ответил:

«Мы несколько разосадованы постоянными стачками в угольной промышленности Великобритании, которая, как указал корреспондент Мэрри в своей радиопередаче, является критически важной для всей экономики Европы. Нам также очень досадно, что в Великобритании происходит до сих пор стачки в других отраслях промышленности, что нарушает социальную и экономическую жизнь страны и отвлекается на производство».

Сенатор Фландерс даже объявил на весь мир, что «в Соединенных Штатах существует такое мнение, что при оказании помощи Великобритании мы должны постыдиться себя условия и даже потребовать некоторых изменений в форме английского правительства».

Хотя сам Фландерс якобы не согласен с этим мнением, но всем известно, что это мнение очень влиятельных американских кругов, которые начинают рассматривать Англию в качестве американского протектората. Английским пред-юнктам, составляющим основу лейбористской партии и лейбористского правительства, придется очевидно, запрашивая у американских сенаторов, устраивать ли им забастовки или нет.

Факты без комментариев

В американском журнале «Тайм» от 4 августа помещена информация о пьесе французского художника Пабло Пикассо. Приводим дословный перевод этой пьесы:

«ЕДА, СЕКС И ВУЛКАНЫ»

Пабло Пикассо написал пьесу в шесть коротких актов о двух маленьких собаках (которые составляют одну большую собаку) и их друзьях — Беспольном толстике, Худом толстике, Просто толстике, Большой ного, Луковиде, Пирожном, Молочнице и Занасках. Топлива в настоящее время идет на Бродвее поощрение для битых собак, но может встретиться с затруднениями.

Пьеса «Желание, пожелание за хвост», касается, главным образом, еды и секса. Пирожное фигурирует на сцене почти все время, не имея на себе никакой одежды, кроме чулок. Пикассо большей частью пишет так же, как и рисует. Например: «(Большая нога) прекресе, как звезда. Это — мечта, нарисованная акварелью на жемчуге... Тело его полно света тысяч зажженных электрических лампочек, его бьюки блуждают духами Аравии, его руки излучают мир и фисташковое мороженое, устрицы его глаз заключают в себе всяческие сады»...

Евг. РЫСС

Свет новой жизни

В 1945 году, в дни жестоких боев Советской Армии в Германии, в Свердловской области началось массовое строительство сельских электростанций. Мысль об этом строительстве зародилась в далеких деревнях, дошла до областных организаций, уехала партийных работников, инженеров, ученых, конструкторов. Люди разных профессий со страстью отдались замечательному делу. Из деревень ехали люди за проектами, чертежами, судами, колхозники строили перемычки и плотины, плотники ставили срубы, кузнецы ковали железные части. В научных институтах конструировали деревянные турбины и разрабатывали проекты. Инженеры выезжали в деревни руководить стройками. Одна за другой вступали в строй новые электростанции, освещали дома, начинали гудеть моторы, дымить молотки, электронапы, насосы. Вспомним: еще гремели бои, фронт требовал металла, танков, орудий, самолетов, снарядов, промышленность с предельным напряжением работала для фронта, и все-таки у страны были силы, чтобы уже тогда, не дожидаясь победы, итти вперед, делать жизнь богаче и лучше.

Кончилась война. Только что народ держал жесткую проверку силы, мужества, стойкости, и уже история требовала нового испытания. На Кубани, в Орлов-

ской области, под Ленинградом и в Карело-Финской республике — везде, где прошла война и оккупация, думали люди, с чего начинать, как жить, если поля заросли сорняками и от домов остались только развалины.

В наших условиях восстановление не может быть возвращением к старому. Движение, зародившееся в Свердловской области, охватило всю страну, и план первой послевоенной пятилетки предусматривает электрификацию семидесяти тысяч колхозов. Свердловская область уже заканчивает электрификацию сел и деревень в тридцатой годовщине Октября.

Трудно представить себе масштабы переворота, который производит эти миллионы ладонных сил в колхозном хозяйстве, миллионы лампочек в колхозном быту. Великий этот переворот — одно из значительнейших явлений современности.

Значение романа Геннадия Фина «Каменный бор» в том, что он впервые показывает в литературе величественные события, происходящие сегодня в десятках тысяч колхозов.

Геннадий Фин рассказывает о небольшом и ничем не выдающемся колхозе Карело-Финской республики. Ушли оккупанты. Только семь домов сохранились. Люди живут в землянках. «Сколько мужчин убито! Сколько молодых людей еще в армии!» — «И на поле, и на ферме, и в лес, всюду люди нужны, и всюду их нехватает». Хозяйство разрушено. Нет свинарника, нет птичника, зерносушилки, нет денег в банке. Колхозники живут плохо, трудно, бедно,

надо, во что бы то ни стало надо начинать заново настоящую жизнь.

Новые свойства сознания жителей деревни Каменный бор заставляют их итти к восстановлению своего хозяйства новым, необычным путем. Нет домов, негде жить, негде разместить птицу и скот, негде сушить зерно — положение тяжелое, почти безвыходное. «Дошлей мы явно запером, да и людей загоним». И боюсь я, что не справимся с нашим планом, даже если и вдвое его сократим... Придется ждаться, жить в землянках, терпеть нужду, годами экономить и бедствовать. Никакого другого выхода не могла бы подсказать мысль, ограниченная тесными пределами крестьянского двора. Но у колхозников из Каменного бора другая масштаб мышления. И это новое мышление, мышление государственное, подсказывает решение неожиданное: вместо того, чтобы понемногу тащить за сто километров доски и бревна для домов и хозяйственных построек, — начать восстановление деревни со строительства гидроэлектростанции. Этот, казалось бы, сложный путь оказывается самым коротким. Строительство гидроэлектростанции требует огромного напряжения сил, но зато сразу разрешает насущные хозяйственные проблемы.

Такое решение могло состояться только потому, что разоренные колхозники Каменного бора чувствуют себя хозяйственно-мощными, поддерживаемыми великой силой государства. Так новая экономика деревни меняет сознание крестьянина, а измененное сознание помогает расти и крепнуть новой экономике.

Геннадий Фин рассказывает о сложном и трудном процессе восстановления, рассказывает со знанием материала, с пониманием смысла событий, делая с читателем могущим любопытными мыслями и наблюдениями.

Колхозники из Каменного бора уверенно требуют помощи у соседних колхозов, зная, что взаимная помощь выгодна всем.

«... Для чего они нам будут помогать? — А для того, что мы возьмемся, во первых, им весь помол делать — раз. Во вторых, будем откусывать свет для освещения на Сухой Наволок, на Медозеро, на Сельку, на Пьяную губу...»

Так в понятие коллектива, живущего едиными интересами, входят не только отдельные люди, но и жители других деревень, ибо богатство колхоза не может существовать изолированно, как существовало, окруженное нищетой, богатство помещика или кулака.

И это увиденное писателем свойство колхозного строя радостно и приятно отмечать.

В то время как в Карело-Финской республике колхозники напряженным трудом восстанавливают разрушенное хозяйство, на далекой Тамбовщине — засуха. Сгорела трава. Скоту угрожает бескормица. И люди Тамбовщины уверенно слуз за сеном в Карелию, зная, что здесь посочувствуют их беде, выделат им покосы поближе к дорогам, встретят, как своих, и помогут.

«Бурские каты, какжись, в Великолукскую область, воронеские на Смоленск потинули, орловские — в Белоруссию чтоли. А кое-кто и на ковыльное раздолье в орловские степи».

Так понятие единого коллектива, живущего общими интересами и хозяйничаетелем по общему плану, расширяется до пределов всей огромной страны. В прежние времена бедствие, постигшее тамбовцев и воронезцев, привело бы к разрознению и нищете: «Зря бы скот зарезали, за ломаную полунку мясо в борщ устелил и на всю жизнь божьим стали. Орехом, ежели бы по миру не пошла... По огромное едное хозяйство победило бы и в борьбе с природой. Когда колхозники из Каменного бора постигла несчастье и вода разлила плоти-

ну, естественно, что и тамбовцы пришли к ним на помощь: «Мы все коллективно решили помочь вам и три эти денька на перемычке и плотине ващей поработать...»

Центральной героиней романа, инициатор строительства электростанции, Паша, Праксовья Николаевна, агроном, со собственному желанию уходит с ответственными работами в райко, чтобы стать председателем колхоза.

Паша на войне потеряла мужа. Она одинока. История строительства электростанции — это одновременно история того, как Паша все счастье Праксовья Николаевна. Она встретила человека, который полюбил ее и которого она полюбила, но не это дало счастье. Она сознательно и решительно отказалась от жизни с Демным, ради которой нужно было бросить Каменный бор. И совсем не победой долга над чувством продиктовано это решение. Праксовья Николаевна не отказалась от счастья, а выбрала для себя большее счастье, ибо труд, напряженный и плодотворный, преодоление препятствий, дает мужественному, сильному человеку подлинное ощущение счастья. Лучный конфликт Паша, решение которого подсказано новым свойствами человека, родившимися за годы колхозного строя, органически влетается в главную тему романа.

Немало художественных недостатков в романе «Каменный бор». Вицны следы небрежности, поспешности, многие образы очерчены бедло, невыразительно (тамбовцев Клеван, Симя Удалова, корреспондент Климан и другие). Огорчает нередко и небрежный язык. Нарушает впечатление от романа страсть к разрозненности, свойственная многим и героям и автору.

Но роман прочтется с интересом, ибо автор увидел, правильно осмыслил и показал новое в нашей жизни, важнейшие процессы, происходящие в тысячах деревень Советской страны.

В октябре 1941 года в селе Ленино на Подлянии погиб смелый герой боев партизанского отряда А. П. Гайдар...

НА МОГИЛЕ А. ГАЙДАРА

По просьбе Каневского райкома комсомола и по решению президиума Союза советских писателей СССР прах писателя...

Праздники народа и благодарности народа проводили гроб писателя-большевика, рассказывавшего со страстной верой...

Дорога, по которой двигался гроб Гайдара, усыпана цветами. Медленно поднималась в гору торжественно-печальная процессия...

Траурный митинг начался. Писатель Натан Рыбак сказал простые слова: верный сын русского народа, чудесный писатель Гайдар отдал свою жизнь за сестру-Украину...

Один за другим выступили над могилой товарищи. Вот говорит взволнованную горячую речь секретарь ЦК Комсомола Украины Сушан...

Герои Советского Союза Ремешной, Пичурин и Горобец возложили на могилу первый венок.

Окончился траурный митинг, отгремели трубы, умолкли речи.

В этот день в школах и клубах мы рассказали ребятам о Гайдаре, поэты прочитали стихи о нем, певцы спели песни.

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ

12 МИЛЛИОНОВ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОНАТОВ

Во всех музеях СССР хранится около 12 миллионов различных экспонатов. Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы приступил к составлению большой серии сводных каталогов наших музейных сокровищ...

Готовится к изданию также большой (в трех томах) коллективный труд научных сотрудников института «История музейного дела в СССР», двухтомник «История краеведения в СССР» и «Курс музейзнания» для работников музеев и студентов вузов.

А. АГРАНОВСКИЙ

Учитель Кудря

Только я переступил порог, только пронесены были первые слова приветствия, и «драма» разыгралась тут же, немедленно: негде было усадить гостя. Все скамьи и табуретки оказались заваленными снопами, колосками, зерном, соломой. Свои столы во всех четырех углах комнаты, вдоль стен, висели на гвоздях, вбитых в стены. Меланья Афанасьевна, стоявшая у печи, выглядела оттуда, как из джунглей...

— О, господи! — всплеснула она руками. — Мы страдаем, как знаем это уже. А вас я куда посажу?!

Напрасно я успокаивал, что держусь недорого, напрасны были мои извинения, что я являюсь невпопад, — хозяйка дома чуть не плакала.

— Ваня, слышишь, Ваня? Дай хотя пол помидора, стидно ведь перед человеком. Немного по второму неделько...

Она выжала и ко мне: — Верно тоже зашел человек, так я стала просить у Ивана Васильевича, разреши хоть стол освободить. Он и наговорил мне всяких божеств. Ты, говорит, не сочувствуешь, что это за работа, ты, говорит, не понимаешь ничего в науке, это, говорит, на столе лежит пелый перерыв в агрономии. А я ему кричу: пусть десять перерывов, но почему на моем единственном столе? Надо же иметь сознание!.. Вам что? Пелельну? — спросила она вдруг, увидев, что я ищу, куда бросить окурок. — Сядь, что я ищу, куда бросить окурок. —

Но через секунду я опять услышал: «О, господи!». Оказывается, и пелельница вся «попятакана зерном».

— У него пшеница сквозит... сквозит! А Иван Васильевич добродушно улыба-

Фальсификаторы и невежды

Сергей ВАСИЛЕНКО,

доцент Московского государственного университета

Неизмеримо велика роль родной литературы в воспитании учащихся. Она призвана быть мощным средством коммунистического воспитания молодежи, средством развития и укрепления чувства советского патриотизма, советской национальной гордости, чувства братской дружбы с другими советскими народами. Литература имеет также огромное значение в воспитании коммунистических навыков характера: любви к труду, мужеству и стойкости, активного отношения к явлениям действительности.

Идейное и художественное богатство белорусской литературы — одной из наиболее развитых советских литератур — представляет широкие возможности для воспитания белорусской учащейся молодежи в духе нашего советского общества.

Вряд ли Министерство просвещения БССР будет оспаривать на словах хотя одно из этих бесспорных положений. Однако на деле мы сталкиваемся с совершенно иным. Постановка изучения родной литературы в белорусских школах не только не способствует развитию этих положений, но представляет собой скрытую полемику с ними.

Учебники по белорусской литературе до сих пор нет. Учебные программы и литературные хрестоматии составлены людьми, явно неграмотными в политическом, литературном, идеологическом отношении.

Самый крупный недостаток учебной литературы — отрыв от современности. Авторы неудержимо стремятся к тому, чтобы дать как можно больше, пусть плохонького, но только бы исторического материала. Даже в творчестве советских писателей интересуют авторов программ и составителей хрестоматий, главным образом, страницы, посвященные прошлому.

Учащихся вынуждают насильственно увлекаться почти исключительно прошлым; им внушают примитивные, зачастую и вредные представления об истории белорусского народа. Большинство текстов и методических вопросов, предисловиях к текстам, преследует одну цель — показать «царя-жандарма» белорусов в прошлом. Совершенно обойден молчанием светлые страницы истории Белоруссии — героика борьбы белорусского народа против его угнетателей, выработанные в этой борьбе нравственные качества народа и созданная им демократическая культура.

Пятиклассники и семиклассники досконально изучают бытовую поэзию. Для чего? Восемиклассникам под видом народной сказки преподносят антихудожественная, идеалистическая страшилка «Человек-Солнце» — легенда о богатырях, в которой грубо искажаются образы революционеров и наших воинов. В аляповатой «Легенде о великих богатырях» рассказана нелепая история о том, как два старших брата Ватилия и Ратилия пошла войной против третьего брата Вродилия. Братовицкая война была осуждена самой природой — буря потопила корабли Ватилия и Ратилия, и на месте гибели братовиц образовалось гнилое болото. Мать воюя пролаяла это болото. Автор грубо поддевается под народное творчество и в конце легенды повествует, что заклятие с этого болота было, дескать, снято... нашей партией и ее вождями.

Кому нужна эта неуклюжая, эта вредная чушь!

Составители хрестоматий Ларченко учит восьмиклассников также дурно пахнущей благонамеренности: «Мовчанка не шумит, а все лихо потупит». «Шакара (покорность) не знает гора», «Собака и на бога ворчит, а бог молчит» и т. д. И это выдается за народную мудрость!

Ученикам навязывают вредные буржуазно-националистические взгляды на белорусское, как на однородную, сплошь бедняцкую, вне-

классовую массу, развивавшуюся «единым потоком», не знавшую классовой борьбы. Ни в фольклоре, ни в литературных произведениях, помещенных в хрестоматиях, учащийся не найдет реалистического отображения подлинной классовой революционной борьбы; в истории белорусского народа все сводится, главным образом, к национально-освободительному движению «единого белорусского народа». Какая-то сплошная аллея стереотипных типовых фигур, начиная от XVI века и до наших дней. Все тут великие просветители, все демократы, все острозубые «под классиков». Даже в учебниках для старших классов ничего не говорится о враждебной деятельности националистических писателей.

Под видом белорусского древнего стихотворения Ларченко предлагает восьмиклассникам отрывок из переизданных на белорусский язык... десяти законовей.

По рекомендации программы, учащиеся знакомятся с «Речью Мелеши» (XVI век). Это произведение интересно для историка литературы, но знание его необходимо для восьмиклассника. В таком же виде, в каком оно приводится в хрестоматии — без критических комментариев, оно просто вредно. Здесь воспеваются литовские короли и те идилические времена, когда люди «без навоши, как бернардыны * гулялы», т. е. ходили без сапог. В этом же произведении немало грубой эротики, вроде «лях, як жеребец, рже око доковок». «...а дворянин в ножку (женщину) как сокол заглядывал, чтобы где пинуть солодкого миса». На этой средневековой архаичности должны воспитываться, по мнению Ларченко, ученики и ученицы восьмого класса советской школы.

Воспитующий невежда не унимается; он пропагандирует в своей «хрестоматии» реакционные произведения Дунина-Марцинкевича — поэму «Ганон», фальшивую идиллию дружеской связи крепостника-помещика с крестьянами. Авторы программ ухитряются найти в этой поэме «кузет чувства», «реалистический показ психологии и быта крестьян», и, конечно, «царская жандарма» и «национально-патриотические мотивы», хотя их и в помине нет у Марцинкевича.

Программа и хрестоматия для восьмого класса рекомендуют изучать предисловие Богушевича к его сборнику «Духа белорусская», а в предисловии этом мы узнаем, будто «языком как наша (белорусская) земляшка с Литвой обидничалась, так и с Польшей обидничалась добровольно» и «...в середине Литвы, как то зерно в орехе, была наша земляшка Беларусь». История свидетельствует о другом — о том, что Белоруссия силой присоединилась к Литве и Польше.

Прошлое Белоруссии во всех хрестоматиях излагается от истории русского народа, не показываясь передовой, ведущая роль русского народа в историческом и культурном развитии Белоруссии.

В хрестоматиях от 5 до 10 классов совсем нет произведений литературы народов СССР. Но и лучшие писатели Белоруссии во всех программах и хрестоматиях представлены большей частью слабыми, случайными произведениями. По рекомендации программ в хрестоматии для девятого класса (автор Бовлей) нет лучших произведений Я. Кушаны — его стихов о советской родине, большевистской партии, о националистических взглядах на белорусское, как на однородную, сплошь бедняцкую, вне-

важные советские люди, нет его поэмы «Горький Борисов», в которой талантливо изображаются успехи белорусского народа в социалистическом строительстве. Ученикам рекомендуется нехарактерная для Кушаны поэма «Беззащитная»; в ней революционное движение изображено стихийным, «безымянным», не показана классовая борьба, сильная Белоруссия выстывает в образе богатой дичины «с царкой меду в руке».

Не повезло в средней школе и Якубу Коласу. Пятиклассникам предложен отрывок из повести «В глубине Полесья». Повесть эта относится к началу творческого пути Коласа, в ней много серьезных недостатков, и вместе с тем учащиеся средней школы ничего не услышат о таких подлинно замечательных произведениях Коласа, как роман «Трасина», повесть «Отщепец», великодушные поэмы «Отплата», «Рыбакова хата».

В программах и хрестоматиях много говорится о влиянии на Кушану и Коласа различных писателей, но авторы нигде и словом не обмолвились о влиянии Горького и на Кушану, и на Коласа, и на всю белорусскую литературу. Ведь признавать влияние Горького для авторов программ и хрестоматий — значит отказаться от своей порочной «теории», что в белорусской культуре национальное превалировало над социальным — «вся Беларусь обросла мозолями».

Как известно, талантливый писатель Бядуля был в свое время заражен библиейской мистикой и белорусским национализмом. Каким бы, при отборе отрывков из его творчества нужно было проявить политическую чуткость и педагогический такт. Но здесь, как и всюду, мы опущаем топорную работу хрестоматчиков. В хрестоматии для девятого класса автор Бовлей поместил сверх программы поэму Бядули «Беларусь», в которой сильна националистическая идея «единого потока» исторического развития Белоруссии. В хрестоматии для шестого класса (автор Бовтейчик) Бядуля так же представлен явно не подходящими для школы произведениями (отрывок из автобиографической повести «В дремучих лесах»). А ведь у Бядули есть великодушные произведения, которые с удовольствием и пользой были бы прочитаны нашими учащимися. Так же грубо искажен в программах и хрестоматиях талантливый поэт Максим Богданович.

Исключительно слабо, бледно представлено в программах и хрестоматиях творчество молодых советских поэтов, прозаиков, драматургов.

Антинаучность — крупнейший недостаток белорусских хрестоматий по литературе, в них нет правильного освещения ни истории народа, ни его современной жизни. Полная методологическая и методическая беспомощность и невежество характерны как для этих хрестоматий, так и учебных программ.

А сколько в этих учебных грубого примитивизма и упрощенчества в определении жанра произведений, художественных приемов писателей, сколько даже самой простой технической путаницы. Хрестоматии не соответствуют программам, и очень часто учителю приходится заниматься своеобразным монтажным творчеством, начиная учебный год с конца книги.

Составление программ и хрестоматий по литературе — дело большой государственной важности — передано в Белоруссии неопытным, политически и педагогически отсталым людям. В этом виноваты Министерство просвещения и Институт литературы и языка Академии наук Белоруссии.

* Монахи бернардинского ордена.

важные советские люди, нет его поэмы «Горький Борисов», в которой талантливо изображаются успехи белорусского народа в социалистическом строительстве. Ученикам рекомендуется нехарактерная для Кушаны поэма «Беззащитная»; в ней революционное движение изображено стихийным, «безымянным», не показана классовая борьба, сильная Белоруссия выстывает в образе богатой дичины «с царкой меду в руке».

Не повезло в средней школе и Якубу Коласу. Пятиклассникам предложен отрывок из повести «В глубине Полесья». Повесть эта относится к началу творческого пути Коласа, в ней много серьезных недостатков, и вместе с тем учащиеся средней школы ничего не услышат о таких подлинно замечательных произведениях Коласа, как роман «Трасина», повесть «Отщепец», великодушные поэмы «Отплата», «Рыбакова хата».

В программах и хрестоматиях много говорится о влиянии на Кушану и Коласа различных писателей, но авторы нигде и словом не обмолвились о влиянии Горького и на Кушану, и на Коласа, и на всю белорусскую литературу. Ведь признавать влияние Горького для авторов программ и хрестоматий — значит отказаться от своей порочной «теории», что в белорусской культуре национальное превалировало над социальным — «вся Беларусь обросла мозолями».

Как известно, талантливый писатель Бядуля был в свое время заражен библиейской мистикой и белорусским национализмом. Каким бы, при отборе отрывков из его творчества нужно было проявить политическую чуткость и педагогический такт. Но здесь, как и всюду, мы опущаем топорную работу хрестоматчиков. В хрестоматии для девятого класса автор Бовлей поместил сверх программы поэму Бядули «Беларусь», в которой сильна националистическая идея «единого потока» исторического развития Белоруссии. В хрестоматии для шестого класса (автор Бовтейчик) Бядуля так же представлен явно не подходящими для школы произведениями (отрывок из автобиографической повести «В дремучих лесах»). А ведь у Бядули есть великодушные произведения, которые с удовольствием и пользой были бы прочитаны нашими учащимися. Так же грубо искажен в программах и хрестоматиях талантливый поэт Максим Богданович.

Исключительно слабо, бледно представлено в программах и хрестоматиях творчество молодых советских поэтов, прозаиков, драматургов.

Антинаучность — крупнейший недостаток белорусских хрестоматий по литературе, в них нет правильного освещения ни истории народа, ни его современной жизни. Полная методологическая и методическая беспомощность и невежество характерны как для этих хрестоматий, так и учебных программ.

А сколько в этих учебных грубого примитивизма и упрощенчества в определении жанра произведений, художественных приемов писателей, сколько даже самой простой технической путаницы. Хрестоматии не соответствуют программам, и очень часто учителю приходится заниматься своеобразным монтажным творчеством, начиная учебный год с конца книги.

Составление программ и хрестоматий по литературе — дело большой государственной важности — передано в Белоруссии неопытным, политически и педагогически отсталым людям. В этом виноваты Министерство просвещения и Институт литературы и языка Академии наук Белоруссии.

* Монахи бернардинского ордена.

Армяне-репатрианты, прибывшие из Франции на свою родину, на пристани Батумского порта. Фото В. Бабаяна (Фотохроника ТАСС).

Е. СЕРЕБРОВ

Дух торгашества и наживы Антигосударственная практика издательских делая

Несмотря на огромные тиражи, книг у нас нехватает. Спрос превышает предложение. Покупатели дежурят в магазинах, выходящая повеления нужных изданий. За книгами создаются очереди.

Не поэтому ли некоторые издательства встали на путь дельчества и искусственно задувания цен на книги? За примерами ходить недалеко.

Недавно появились в продаже повести Александра Бека «Домашники». Книга издана плохо, на серой бумаге, без переплета. Цена ее — 11 рублей.

Почему? Из чего сложилась эта цена? Начальник финансово-планового отдела издательства «Советский писатель» В. Боровиков бухгалтерской точностью рассказывает о всех основных расходах, понесенных издательством, — 73.001 рубль 42 коп.

Каждое из этих сумм, поделенная на количество изданных экземпляров, должна составить стоимость книги.

Оказывается, нет. Накладные расходы — распределение и реализация книг, так называемые коммерческие расходы составили почти 80.000 рублей. Только лишь реализация книги обходится дороже, чем оплата авторского гонорара, бумаги, типографских расходов и оформления, вместе взятых. В результате книга, которая должна была стоить 5 рублей, стала стоить 11 рублей.

Книга А. Бека скалькулирована правильно, — сказал нам заместитель директора издательства «Советский писатель» Г. Онуфриков, — тут ошибки нет. А вот с калькуляцией юбилейных изданий избранных произведений советских писателей, действительно, вышла ошибка. Мы, видите ли, планировали тираж каждой юбилейной книги в 75 тысяч экземпляров, а в типографии по своему вольному произволу издательство выпустило книгу тиражом в 170 тысяч. Стоимость издания при этом, конечно, снизилась, но поскольку номинал на книгах был обозначен, цена осталась без изменений. Книгу А. Фадеева, например, свободно можно было бы продавать за 15—16 рублей, а покупатель платит за нее 24 рубля.

Такая же картина и в издательстве «Московский рабочий». Перед нами книга Валерия Явлинского «Иван третий — государь всея Руси». Она плохо шита. Обложка из оберточной бумаги. Цена небольшого тома весьма солидная — 13 рублей. Мы приносим в директорию издательства «Московский рабочий» П. Чагина, выпустившему ее в свет. Тов. Чагин встретил нас несколько удивленно: — Как! — спросил он, — вы считаете, что роман Явлинского плохо издан?

Он достал из ящика своего письменного стола ту же книгу, но в отличном, тисненном золотом переплете, с красивой суперобложкой, с текстом, отпечатанным на превосходной бумаге.

— Разве плохо! — победою спросил П. Чагин.

— Но такую книгу мы видим только у вас, — обидели мы, — ведь в продаже она не поступает.

Тут наступило неловкое молчание. Директор издательства, видимо, неудобно было сознаться, что в таком виде книга действительно издана в нескольких экземплярах «для начальства». С массовым покупателем издательство не переможется. Все равно, мол, покупай книгу.

Исходя из этого же принципа, в «Московском рабочем» выпускали толенькую, плохо изданную книжечку стихов В. Турганова и установили несмысленно высокую цену — 8 рублей. Сборник стихов «Молодая Москва» (стихи молодых поэтов) стоит 12 рублей — довольно дорогой способ популяризировать молодых поэтов.

Но если покупатель может, поверев в руках книгу «Московского рабочего», уйти из магазина, то читатель книг, издаваемых «Металлургиздатом», находится в более тяжелом положении. У прилавка — студент. Он разглядывает дозареку нужные ему «Очерки по металлургии чугуна» и пытается рассчитать, как выкроить из стипендии 25 рублей.

Студенты старших курсов многих технических вузов нуждаются в «Справочнике металлурга по цветным металлам». Справочник этот имеется в продаже, но стоит он 50 рублей. «Металлургиздат», выпустивший книгу, решил получить за нее полмиллиона рублей — никак не меньше!

В одном из вузов сделали простой расчет: чтобы приобрести нужные для 3-го курса учебники, студент должен потратить, примерно, 600 рублей. Это почти трехмесячная стипендия!

Задумывались ли над этим издатели технической литературы?

А подумать есть над чем! Почему книга П. Клебанова «Технология газовой сварки и резки металлов» (изд. «Машгиз», 1947, 19 печ. листов, тираж 10 тысяч) стоит 20 рублей, а «Вопросы современной начертательной геометрии» под редакцией Четверухина (Гостехиздат, 1947, 21 печ. лист, тираж 10 тысяч) стоит 13 рублей? Объем обеих книг, тираж и оформление почти одинаковы. Почему же такая существенная разница в цене?

Таких примеров можно привести сколько угодно.

За издание книг берутся даже организации вроде кассы взаимопомощи Профкома детских и юношеских писателей! Это выгодно. В сентябре нынешнего года это «издательство» выпустило в свет книжечку Я. Квитко «Кольбельная», тиражом в 200 тысяч экземпляров. Стоит она 1 рубль 50 к., в то время, как такого же типа книжечка Летиза стоит 30 копеек. Таким образом, касса взаимопомощи, при самом фантастическом расчете потратившая на издание «Кольбельной» 30 тысяч рублей, выигрывает 300 тысяч.

Нам читатель любит книгу. Нельзя спекулировать на этой любви!

Изучение производительных сил Таджикской ССР

За годы советской власти, в особенности в итоге сталинских пятилеток, Советский Таджикистан превратился в республику интенсивного сельского хозяйства и крупной индустрии.

Однако огромные богатства недр и энергетические ресурсы многочисленных горных рек Таджикистана еще ждут своего использования для нужд социалистического строительства.

Научная конференция по изучению производительных сил Таджикской ССР, которая открылась 15 октября в Сталинабаде, подвела итоги многолетних исследований природных богатств республики, проведенных советскими учеными, и наметит перспективы быстрого развития ее производительных сил.

С докладами на пленарных заседаниях конференции выступают крупнейшие ученые: академики Д. Наликин и Д. Давлатов.

тему «Геологическое строение и полезные ископаемые Таджикской ССР», академик А. Винтер и член-корреспондент Академии наук СССР В. Вейц рассказывают об энергетических ресурсах и развитии энергетики Таджикской ССР.

В повестку дня включены также доклады академиков Е. Павловского, В. Образцова, Л. Берга и многих других.

На заседаниях секции будет заслушано около 100 научных докладов.

Тот, кто не знает специфики селекционной работы и гибриды, в частности, не поймет, каких трудов стоило Ивану Васильевичу добиться этих успехов. В сожалении, и автор не в состоянии как следует раз'яснить это. Из года в год, изо дня в день дышать над каждым колосом, над каждым зернышком, не имея никакой уверенности, что опыт удался, а при неудаче начинать опять сначала и снова терять год, и снова с трепетом следить за каждым шорохом взможденного ростка — нет, это не труд, это подлинный подвиг!

Потом все работало оборвала война, погреб под Курским главным помощник отца, сын Володи, тоже селекционер-любитель, спорела сама хата учителя Кудря, на том месте сейчас растет кукуруза... Меланья Афанасьевна удалось только спасти три бутылочки с зерном, которые она закопала в трех концах села, ась, которая-нибудь успеет, — это был второй подвиг этих честных и преданных людей, настоящих советских патриотов. Единственная личная, интимная их отрада — что выведенный гибрид пшеницы назван в память о сыне «володарской». Под этим именем урожай с 11 соток будет нынче записан в счетоводные книги колхоза имени Молотова.

Пшенично-пырейный гибрид — не единственное, над чем работает учитель Кудря. Одновременно он занят созданием «длинной озимой ржи». Он взял обычный колос озимой ржи в колхозе, отобрал лучшие его семена, бросил их в почти кипящую воду, обвалял затем холодной водой, купал в вилмете и буре, делал после высева особые покурки из разных солей — и выросли колос в 17—18 сантиметрах, вдобавление обыкновенного!

Иван Васильевич работает еще над многолетней рожью. Она уже третий год дает урожай, будущи только раз посеяной... Много колхозников и колхозниц села Николаевки «одалживают» у Кудря по «горстке» семян, и при нем пришла к учителю бабка Оленскою предупреждать, что

завтра «жата». «Приходите, Иван Васильевич, поглядеть на нашу пшеничку...» Из Винницкой области, из многих сел шлют учителя Кудря письма и просят «валить семени». Академик Ципин, академик Лысенко шлют лично Кудря свои книги в знак уважения... А в хате Ивана Васильевича негде повернуться, нельзя гостю предложить стул, полы нематы. «В дождь и курпте и козе есть куда спрятаться», — говорит Меланья Афанасьевна, — а у нас «володарочка» на дворе, одна, как свечка, светит... Неужели во всем районе не нашлось бы сотни досок битой простой сарайчик, где Иван Васильевич мог бы спокойно работать и хранить свой клад?

Свой клад... «Свой» ли? Разве Кудря претендует на него, разве сам Кудря, не только его пшеница, не принадлежит всецело нашей стране! Кто отделил тут личное от общественного?

И еще одно непонятно: знают ли Кудря в Киеве? Знают ли его хотя бы в народе? Или там считают, что «а» и «б» в «семью пять» — тридцать пять — одна намота, один мир, а общественная и научная деятельность старого сельского интеллигента, биолога Кудря — совсем другое дело?

Иван Васильевич втянул в свои опыты десятки школьников-юнаков, он вместе с ними продельвает всю кропотливую технику скрещивания и селекции, вся деятельность его, как биолога и опытного, неотрывно связана с педагогикой: он одновременно «прищипывает» ученикам любовь к природе, к агрономии, к исканиям, пытливым. Почему же не поднята на пилит киевским деятелем народного образования хотя бы эта работа их коллегий?

А как материально живет Иван Васильевич — интересовались ли они этим? А надо бы поинтересоваться: достаточно ли того, что он получает за свои нормированные школьные часы? Другой бы, возможно, вышел за пределы нормы, но Иван Васильевич отдает все свои свободные часы,

все дни и ночи другой работе — бесплатно... Он делает хлеб для родины, новый хлеб.

Конечно, для людей подвига нет преград, они все преодолевают, и учитель Кудря вовсе не жаждет на свой бит. Но мы жалуемся за него, мы, советские люди, обязаны жаловаться, если от этого не делает Кудря принадлежат всем нам.

Непонятно еще вот что. По дороге в Смелянский район мне пришлось задержаться в колхозе «Пролетар», на Черкасских. Это хороший колхоз, передовой, интересный, в чем не может быть никаких сомнений. Но любопытная деталь. В момент приезда в поле картины застал там следующих гостей: два киевских художника рисовали в поле картины с натурой, фотограф из журнала «Украина» фотографировал передовиков, киевский скульптор делал бюст председателя колхоза, московский писатель второй или третий месяц писал повесть о колхозе, два представителя Киевского института этнографии лопались полууголовой труд. А за день до моего приезда здесь были два журналиста. Паломничество!

Ладно. Пусть. Но почему о Кудре нет ничего и никогда не было ничего в газетах? Почему его не знают? Неужели только потому, что колхоз имени Молотова не числится передовым?

Неожиданно оказался задетым побочный вопрос, не имеющий прямого отношения к теме, я это знаю. Но как было обйти его? И сколько еще замечательных интеллигентов рассыпано повсюду по нашей стране, о которых мы совсем ничего не знаем! Поднять бы их, показать всем: нам — пример в науке, им — заслуженная честь. А может быть, и помощь нужна многим?

Литературная газета

№ 43

3

Против низкопоклонства!

Великий русский ученый К. А. Тимирязев всегда и везде высоко поднимал авторитет русской науки. Делая заслуги творцов русской научной мысли в развитии мировой науки, он утверждал, что «русская наука заявила свою равноправность, а порой и превосходство».

Этого не хотели замечать в дореволюционной официальной России. Царский министр Макаров цинично декларировал, что, мол, науку удобнее импортировать из-за границы.

Великая Октябрьская социалистическая революция развала цепи экономической и духовной зависимости нашей страны от иностранщины. Резко изменилось положение науки в обществе. Она поставлена на службу своему народу и выступает, как законный и единственный наследник всего лучшего, что создала отечественная и мировая культура в развитии мысли и знания.

За 30 лет советская наука добилась успехов поистине огромных. Наша наука заняла главенствующее положение, а зачастую идет за собой мировую науку. Такие области, как биология растений, ботаника, агрохимия, почвоведение, земледельческая механика, оставили далеко позади успехи и открытия буржуазных ученых.

С победой социализма советская наука получила все условия и неограниченные возможности для всестороннего дальнейшего прогресса и новых научных завоеваний.

Думы и чаяния всей армии советских ученых прекрасно выразил наш знаменитый ученый И. П. Павлов в выступлении в 1935 году на Международном конгрессе физиологов. «Вы слышали и видели, — говорил академик Павлов, — какое исключительно благоприятное положение занимает в моем отечестве наука, и о сложившихся у нас отношениях между государственной властью и наукой... Мы, руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге и беспокойстве — будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам предоставляет правительство».

В эпоху величайших сталинских пятилеток, в суровую годину Великой Отечественной войны, в период мирного строительства наши ученые обогатили сокровищницу мировой науки многими ценнейшими открытиями, изобретениями, усовершенствованиями, которые служат благом советских людей, делу укрепления могущества нашей социалистической державы, делу мирового прогресса.

В сознании того, что его деятельность направляется к осуществлению ленинско-сталинского учения о построении коммунистического общества в нашей стране, что его труд направляется на ускорение экономического и общественного развития страны, советский ученый-патриот находит высшее удовлетворение.

Понятно поэтому, сколь глубокое возмущение вызвало в научном коллективе нашей Тимирязевской академии поведение профессора А. Р. Жебрака.

Ученый коллектив академии с негодованием клеймит позорящие советского гражданина и ученого низкопоклонство профессора А. Р. Жебрака, его разоблачение перед зарубежной наукой.

А. Р. Жебрак пресмыкается перед реакционером Карлом Саксом, напечатанным в американском журнале «Наука» клеветническую статью против советской биологической науки и социалистического государства. А. Р. Жебрак в своей статье, услужливо помещенной в том же журнале, фактически солидаризируется с Саксом.

Потеря чувства простого советского достоинства, Жебрак поддался расписанье перед буржуазной наукой «в оценках» нашей биологической науки, отрицая партийность в науке.

Зато в статье Жебрака нет недостатка в собственном самозащитном. В погоне за сомнительной популярностью Жебрак славословит свое имя, кичится своими работами, разукрашенными в зарубежных журналах, и в то же время умалчивает замечательные достижения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина и ее институтов, Института генетики Академии наук СССР и других со-

ветских научно-исследовательских учреждений. Возмутителен тенденциозный обзор Жебрака современных советских работ по генетике. Так, он утверждает, что «наука может быть (?) свободной в социалистическом государстве», которое доктор Сакс «неправильно называет тоталитарным». Почему «может быть»? Значит, свобода научного исследования не является неотъемлемой сущностью советского строя и государства? Гнусная клевета!

В этой своей статье Жебрак пытается развить и буржуазную демагогию о наднациональности науки. Он презрительно обходит то общепринятое положение, что в современных условиях нет и не может быть единой мировой науки. Жебрак пишет: «Работа в области биологической науки, мы (подчеркнуто нами. — В. Н.) вместе с американскими учеными строим общую мировую биологическую науку». С кем это вместе строит Жебрак одну биологию мирового масштаба? Уж не с теми ли фашистскими учеными-генетиками, которые на Международном генетическом конгрессе выпустили манифест с проповедью низкопоклонства? Не с теми ли американскими и немецкими учеными-фашистами, которые выводят расовую теорию из якобы научных положений той же генетики?

Жебрак высказывает вон тот решающий момент, что в науке о наследственности и изменчивости организмов, в генетической науке классовая борьба находит свое особое яркое выражение, не менее яркое, чем в общественных науках.

Переходя в той же статье к спору со своим соотечественником, представителем мичуринской школы, академиком Лысенко, Жебрак в своей клевете на советскую науку опережает даже реакционно-буржуазных ученых. Он пишет, что деятельность академика Лысенко, «основанная, по существу, на инстинктах и чисто умозрительных заключениях, несмотря на энергичность натиска, не в состоянии помешать успешному развитию генетики в СССР».

Ученый совет Тимирязевской академии, имеющий в своем составе выдающихся представителей всех отраслей нашей агрономической науки, единодушно осудил антипатриотические выкладки Жебрака.

Но патриотический долг наших ученых заключается не только в том, чтобы осудить Жебрака. Главное — необходимо извлечь из этого, поносящего честь коллектива академики дела большевистские уроки. Главное в том, чтобы всегда и везде высоко держать знамя советской науки, самой прогрессивной науки в мире.

Элементы низкопоклонства перед зарубежной наукой еще живучи среди некоторых наших ученых. Так, профессор С. Г. Колеснев, проработав большую работу по созданию крайне нужного учебника по курсу организации социалистических сельскохозяйственных предприятий, допущил в этой работе некорректное отношение к зарубежному опыту. Расписав в радужных тонах американскую и западноевропейскую технику, профессор Колеснев предпочел умалчивать об ограниченном и противоречивом характере технического прогресса при капитализме. Его неверные высказывания подчас позволяют толковать его слова так, что нашей технической интеллигенции он отводит роль лишь копировщиков иностранного опыта.

Колеснев ничего не говорит о выдающихся работах академика В. П. Горячкина, основоположника сельскохозяйственной механики, о работах в области механизации сельского хозяйства наших институтов, инженеров, конструкторов, создавших уникальные сельскохозяйственные машины и орудия.

Горячий протест вызывают и другие факты, дискредитирующие нашу советскую науку. Речь идет о целой серии печатных выступлений, в которых беззастенчиво укрываются и замалчивается отсутствие выдающихся научных открытий и работ, осуществленных выдающимися учеными Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Колеснев ничего не говорит о выдающихся работах академика В. П. Горячкина, основоположника сельскохозяйственной механики, о работах в области механизации сельского хозяйства наших институтов, инженеров, конструкторов, создавших уникальные сельскохозяйственные машины и орудия.

Горячий протест вызывают и другие факты, дискредитирующие нашу советскую науку. Речь идет о целой серии печатных выступлений, в которых беззастенчиво укрываются и замалчивается отсутствие выдающихся научных открытий и работ, осуществленных выдающимися учеными Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Колеснев ничего не говорит о выдающихся работах академика В. П. Горячкина, основоположника сельскохозяйственной механики, о работах в области механизации сельского хозяйства наших институтов, инженеров, конструкторов, создавших уникальные сельскохозяйственные машины и орудия.

Горячий протест вызывают и другие факты, дискредитирующие нашу советскую науку. Речь идет о целой серии печатных выступлений, в которых беззастенчиво укрываются и замалчивается отсутствие выдающихся научных открытий и работ, осуществленных выдающимися учеными Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Колеснев ничего не говорит о выдающихся работах академика В. П. Горячкина, основоположника сельскохозяйственной механики, о работах в области механизации сельского хозяйства наших институтов, инженеров, конструкторов, создавших уникальные сельскохозяйственные машины и орудия.

Горячий протест вызывают и другие факты, дискредитирующие нашу советскую науку. Речь идет о целой серии печатных выступлений, в которых беззастенчиво укрываются и замалчивается отсутствие выдающихся научных открытий и работ, осуществленных выдающимися учеными Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Колеснев ничего не говорит о выдающихся работах академика В. П. Горячкина, основоположника сельскохозяйственной механики, о работах в области механизации сельского хозяйства наших институтов, инженеров, конструкторов, создавших уникальные сельскохозяйственные машины и орудия.

Горячий протест вызывают и другие факты, дискредитирующие нашу советскую науку. Речь идет о целой серии печатных выступлений, в которых беззастенчиво укрываются и замалчивается отсутствие выдающихся научных открытий и работ, осуществленных выдающимися учеными Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Приведу три примера, касающиеся работ членов нашего совета. Первый пример касается вопроса о приоритете в создании нейтринно-протонной модели атомного ядра. В 1931—1933 годах профессором нашей академии Иваненко и Гапоном изложена эта теория строения атомного ядра. Ныне данная теория признана всей мировой наукой. Гейзенберг, нобелевский лауреат, на мировом Сольвеевском конгрессе в Париже в 1934 году вышеупомянутую модель атомного ядра назвал «моделью Иваненко-Гапона и Гейзенберга». Между тем многие советские ученые позволяют себе называть автором теории атомного ядра Гейзенберга, реже — Гейзенберга и Иваненко и совершенно замалчивают (за исключением академика Фермана) о работах в этой области профессора Гапона.

Так, например, в изданной в 1947 году массовым тиражом брошюре проф. Гинзбурга «Об атомном ядре» полностью бойкотируются фамилии Иваненко и Гапон, несмотря на подробное изложение модели атомного ядра. Два других советских ученых в работах 1946 и 1947 годов, подробно излагая модель ядра, абсолютно умалчивают, что начало созданию этой важнейшей главы современной физики было положено трудами советских профессоров Иваненко и Гапона.

Теперь о теории новой частицы — мезотрона. Мезотронная теория ядерных сил разработана Иваненко и Соколовым в 1940—1941 годах. В книге Паули «Мезотронная теория ядерных сил», переведенной на русский язык в текущем году, среди небольшого числа цитируемых авторов упоминается работа Иваненко и Соколова. Однако в неслышной обзорной статье доктора Гинзбурга «Теория мезотрона и ядерные силы» (опубликованной в журнале «Успехи физических наук», № 2, 1947) беззастенчиво замалчивается и это достижение советской физики.

И вот совсем недавний пример, касающийся физического эффекта, получившего в зарубежной литературе название «ИЗЛУЧЕНИЕ, УКАЗАННОЕ ИВАНЕНКО И ПОМЕРАНЧУКОМ». Проф. Иваненко совместно с Померанчуком в «Докладах АН СССР» в 1944 году в своей статье указал, что при своем движении в новейшем ускорительном приборе типа бетатрона электроны будут довольно интенсивно излучать энергию. Это указание подтвердилось экспериментально в работах Блуэтта на гигантском бетатроне. Наконец, американцу Полдону в 1947 году удалось уже не косвенно, а непосредственно, визуально наблюдать в синхротроне излучение Иваненко-Померанчука в виде яркого белого луча на пути движения электронов, ускоренного почти до скорости света. Это было опубликовано в американском журнале «Физическое обозрение» (№ 11, 1947). И совершенно нелепо пресмыканием перед американской наукой является последняя статья доктора Гинзбурга, опубликованная в журнале № 2 «Известия Академии наук СССР» (физическая серия). Доктор Гинзбург, являясь секретарем редакции журнала, говоря об интересующем нас излучении, замалчивает авторство Иваненко. Будучи вынужденным сослаться на предыдущих авторов, Гинзбург цитирует американский обзор Шиффа. И это в то время, когда даже сам Шифф многократно ссылается на работу Иваненко и Померанчука, безоговорочно признавая их приоритет. Дальше этого позорного стремления замалчивать открытие советской науки, затирать советских авторов — некуда идти.

Почетный шеф нашей академии, генеральный К. А. Тимирязев писал в 1919 году: «Все силы мрака ополчились против двух сил, которым принадлежит будущее: в области мысли — против науки, в жизни — против социализма».

Только наука и демократия, знания и труд, вступая в свободный, основанный на взаимном понимании, тесный союз, освещенный общим красным знаменем, символом мира всего мира, все превозмогут, все преобладают над благом всего человечества».

В наши дни эти вещи слова приобретают еще более яркое значение. Они воплощены в создании теснейшего союза знания и труда, союза науки и социалистической демократии, на котором зиждется победное движение вперед советской науки, неразрывно связанной с народом, живущей его нуждами, отражающей стремления народа.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

Патриотический долг всей армии советских ученых, всех научных деятелей нашей академии — высоко поднимать свою национальную гордость, неустанно завоевывать все новые и новые области знания и науки, быть достойными того внимания и заботы, которые проявляют о них советский народ, партия, правительство, величайший корифей науки И. В. Сталин.

К 30-й годовщине Октябрьской революции в Сталинском районе Москвы заканчивается строительство нового театра. На снимке: отделка карниза. За работой молодой лепщик К. Панин. Фото Л. Величкина. (Фотохроника ТАСС).

Чей припев?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В августе 1944 года в клубе нашей авиационной части состоялся торжественный вечер, посвященный Дню Военно-Воздушного Флота. После вечера был дан концерт, на котором присутствовали гости — поэты Ц. Соколов, С. Алымов, композитор А. Новиков и другие. На этом концерте артист Радиокомитета Демьянов впервые исполнил песню, написанную композитором Новиковым на мои слова. Песня называлась: «Широка ты, Москва...» После концерта Алымов сказал мне: «Ваша песня будет жить в ней очень хороший припев...» Такая оценка поэта-профессионала была принята, тем более, что это — первая моя песня. Она была опубликована вместе с нотами в армейской газете и текст отдаленно — в газете «Московский большевик».

В честь 800-летия Москвы советскими поэтами и композиторами было написано немало песен о столице. Среди них есть и такая — «Хороша ты, Москва...» Слова С. Алымова, музыка А. Новикова. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что поэт Алымов взял мой припев и выдал песню за свою. Песня вышла отдельным изданием в Музгиз, напечатана в книжке песен о Москве (издательство «Московский рабочий»), в газете «Советское искусство» за 5 сентября и в газете «Красный воин» за 6 сентября, несколько раз исполнялось по радио, и повсюду автором ее называют С. Алымова.

Алымов сделал некоторую перестановку слов, чтобы кто-нибудь не подумал, что припев украден. У Алымова: Хороша ты, Москва, Широка, величава, Ты — родины гордость И слава ее.

Москва — это счастье Твое и мое. Вот мой припев: Широка ты, Москва, Величава, красная, Ты гордость отчизны И сердце ее. Москва — это счастье Твое и мое.

Одну строчку из припева Алымов механически перенес в основную тект, опустив, видимо, для того, чтобы его не заподозрили в плагиате. Странную позицию в этом деле занял директор Комитета по охране авторских прав Хесин. Он почему-то прислал автора припева «не шуметь», не правящий этого случая гласности, ибо, сказал Хесин, «Алымов, как настоящий, большой поэт, может испугать перед вами свою вину?»

Чем? Н. СИДОРОВ. Примечание редакции. После того, как это письмо было уже набрано, в редакцию позвонил автор его Н. Сидоров и прислал письмо не печатать, так как он обо всем договорился с С. Алымовым. Очевидно, «большой поэт» С. Алымов действительно «искупил свою вину».

Культурная жизнь страны

В Донбассе прибыла экспедиция Геологического института Академии наук СССР. В ее составе 6 отрядов Геологии изучают угленосные месторождения. Исследование и изучение Донбасса рассчитано на 3—4 года. Собранные материалы послужат для определения границ нового Большого Донбасса.

В Дзержинске открылось первое в Северной Осетии музыкально-педагогическое училище. В Смоленском краеведческом музее создана художественная галерея. Обширный зал занят работами русских мастеров Айвазовского, Сурикова, Левитана и других. Экспонируются также фарфор и фаянс русских и зарубежных заводов.

В Петрозаводске возвратилась лингвистическая экспедиция Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР. На основании собранных материалов будет составлен диалектологический атлас карельского языка. Часть материалов войдет в составленный Академией наук СССР диалектологический атлас русского языка.

На Минском тракторном заводе состоялся заседание правления Союза советских писателей Белоруссии, которое обсудило вопросы, связанные с созданием книги «История тракторного завода». В создании летописи этой крупнейшей стройки республики примет участие 17 белорусских поэтов.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЯЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОЮДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

ЛАКЕЙ ДОЛЛАРА

Доктор Эварт

Слова кричит и размахивает руками доктор Эварт. Крики его раздаются в комитетах Генеральной Ассамблеи Объединенных наций. Откуда он взялся, по чьему приказу и о чем он столь усердно хлопочет?

Герберт Эварт вступил на политическую арену как член парламента от лейбористов. Впрочем, политические взгляды Эварта отличаются не малой гибкостью, что позволяет ему приспосабливаться к требованиям любого хозяина. При всяком удобном случае мистер Эварт спешит сообщить, что он является «литным другом Черчилля». Весьма уместно напомнить, что этот лейборист тесно связан с крупной капиталистической фирмой «Брукен Хилл Пропрайти», по существу контролирующей всю экономику Австралии.

Эварт, как реакционер и прожженный ледец, пользуется поддержкой влиятельных капиталистических кругов. Поэтому он и был назначен в октябре 1941 года генеральным прокурором и министром иностранных дел Австралии и на этом посту пребывает до настоящего времени.

Мне довелось впервые увидеть его летом 1946 года в Люксембургском дворце, на заседании Парижской мирной конференции. Эварт пришел в Париж с ярлычком «защитника прав малых наций», как называли его некоторые лондонские и парижские газеты.

Сразу же после открытия конференции Эварт заговорил, замахав руками, засуетился. Чуть ли не в каждом пункте каждого мирного договора он вносил свои предловуные «поправки», единственная цель которых заключалась в том, чтобы опорочить решения, согласованные Советом Министров, в посягать раздор между нациями.

Толстый, обрызганный, короткокрылый человек в синем помятом костюме, он сидел

в своем кресле, поминутно прискакивая и почесываясь. Через каждые полчаса Эварт подсаживался то к англичанам, то к новозеландцам, то к бельгийцам и, пошептываясь, вдруг выбегал в кулуары, чтобы сделать журналистам, падающим на шею, какое-нибудь экстренное и притом «свое» заявление. Но своего-то у Герберта Эварта не было и не бывает ничего, кроме... фунтов стерлингов и долларов.

Когда председательствующий называл его имя, то Эварт, еще до того, как появиться на трибуну и открыть рот, бросал быстрый вопрошающий взгляд в сторону американской делегации. Так гончая, прежде чем устремиться за дичью, мгновенно оглядывается на хозяина. — Давай! — поощряет хозяин и отпускает сворку.

На трибуне доктор Эварт особенно любит распространяться по поводу «высоких принципов демократии». Однако, когда австралийский Женский комитет пригласил на свой конгресс представительниц СССР, — не его инвой, как «демократ» Эварт, наглому захопнул перед советскими делегатами дверь в Австралию.

Ныне Герберт Эварт снова шумит в Нью-Йорке, на сессии Генеральной Ассамблеи. Он требует отмены так называемого «права вето». Он без устали и самым бесстыдным образом рекламирует все американские предложения. Послаженный своими хозяевами на место председателя комитета по палестинскому вопросу, он и здесь служит им верой и правдой изо всех сил.

Практика показывает, что поджигатели войн обычно выпускают вперед крикуна, зачинщика международных скандалов. Ныне в этой беззавидной роли выступает личный друг Черчилля и усердный лакей Уоллстрит — доктор Эварт.

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Лев ГУМИЛЕВСКИЙ

Две книги о Москве

Среди изданий, посвященных 800-летию Москвы, безукоризненным оформлением выделяется «Москва» П. Лопатина и «По старой Москве» П. Сытина. Особо ценна первая книга художественная редакция Дегтяра может гордиться. Подбор иллюстраций, включающий ряд публикуемых впервые, и выполнение их составляют волюющую прелесть книги.

Неспользованным юбилеем столица, как ближайшим поводом для создания монументальных изданий о Москве, Дегтяра оказала огромную услугу своим читателям. Не только в дни юбилейных торжеств, но в много лет спустя будут обращаться к этим работам, как к настольным, отражающим в истории Москвы историю страны, историю русского народа.

Авторы книг — не ученые, не историки, а писатели. Премущественно писателя, обращавшегося к исторической теме, заключает не в том, что он является пером, а может раскрыть историю беллетристской, в том, что писатель прикладывает в эту книгу для него область без тяжелого груза традиционных представлений, свободных в той или иной мере специализации, и скорее может показать нам то «покое», как писал Л. Н. Толстой Фетю, что все могла видеть и так не выдавая. Насколько же воспользовалась своим

премуществом, совершенно законным и естественным, П. Лопатин и П. Сытин?

П. Лопатин построил свою книгу как серию очерков по истории великого города, включая сюда и ряд последовательных очерков о быте москвитей в разные эпохи, о быте разных классовых групп, чем в отличие свою книгу от других. Этот отличительный, несомненно, в будит дорога «Москва» П. Лопатина юности, да и всякому другому читателю. Художественное значение этих очерков о быте в том, что она служит как бы фоном для исторических событий, которые оттого приобретают в книге живость и эмоциональную действительность.

П. Лопатин почти нигде не говорит об исторических заслугах Москвы, но, делая исторические экскурсы далеко за пределы столицы, он тем самым показывает, как Москва трижды освобождала нашу родину от иноземного ига, как она стала основой объединения Руси в единое и могущественное государство. Этот этап исторический, художественный подход к теме путем показывания также составляет достоинство книги П. Лопатина. К сожалению, Дегтяра смогла выпустить в юбилейный день только первую часть большого труда П. Лопатина, впрочем, обещая читателю не замедлить выпуск второй части, посвященной истории Москвы с конца прошлого века и до наших дней.

Книга П. Сытина занимает в одном томе всю историю Москвы от основания ее до сегодняшней реконструкции советской столицы. Она построена как «руководитель» по старой и новой Москве: автор как будто ставит перед собой предельно скромную задачу указать читателю, где что находится, но с большим искусством пользуется приемами путеводителя, он знакомит подростков с историей столицы в современном ее положении. Этот прием дает писателю возможность постоянно проводить параллель между старой Москвой и советской столицей, в известной мере даже между дореволюционной Россией и Союзом Советских Республик.

Печать свежести и своеобразия лежит и на той и на другой книге. Однако в частности авторы их еще иногда подвластны традиционной литературе о Москве. Это, прежде всего, некоторая переоценка значения иностранных мастеров в строительстве древней Москвы. Например, у Лопатина постройка Успенского собора излагается так: «Иван III предлагает итальянскому мастеру построить новый Успенский собор в Кремле: старый собор, взведенный еще при Иване Калите, осел и дал трещины. Фирванети просит разрешения предварительно ознакомиться с архитектурой русских городов. Он осматривает Владимир, Новгород, Ростов, Ярославль. Итальянский зодчий восхищен величием Успенского собора во Владимире и берет его за образец для постройки кремлевского храма».

Несколько строчками ниже, говоря о постройке русскими мастерами Благовещенского собора, П. Лопатин пишет: «Общие контуры храма довольно точно передают форму все того же Успенского собора во Владимире, в свое время так восхитившего итальянского зодчего». Создается впечатление, что не русский народ, а приезжий иностранец позаботился о русском архитектурном стиле, после чего ему следуют в наши мастера. Между тем хорошо известно, что не Фирванети шел нужным искать для себя образцы на Руси и «просил разрешения» ознакомиться с ними, а Иван III прямо указал ему на собор во Владимире, как на обязательный образец. Сохранились даже точные слова, сказанные Иваном III итальянскому мастеру: «Построй, как церковь во Владимире, но больше».

Следует этому прямому указанию, Фирванети и дал в Успенском соборе чисто русское решение. Такого русского решения он не дал в проекте Кремля, а в этом причина тому, что «проект не издается».

См., например, статью В. Курбатова «Беллетристика художественного и научного творчества» в сборнике «Творчество», ПТГР, 1923, 34 стр.

Ивану, в московский государь выписывает своих мастеров. Автор не уделял должного внимания старым русским мастерам. П. Лопатин, рассказывая, например, о постройке Казани и первоначальной постройке Спаса, не называет даже имени строителя города и организатора военно-инженерного обеспечения при взятии Казани Ивана Выродкова — замечательнейшего русского мастера.

Андрей Рублев посвящен семь строк, причем автору, видимо, неизвестны последние исследования советских ученых, на основании которых можно видеть в лице Рублева не только которого соорудил собор Андроников монастыря, в первоначальном своем виде представляющий один из шедевров русского зодчества.

Творческим людям московской старины уделено вообще очень мало внимания, и причина тут — в отсутствии широко доступного материала, конечно, а не в том, что авторы не понимают, как важно было бы в наших книгах о Москве самым обстоятельным образом осветить историю строительства национального творчества. Что это именно так, подтверждает и то, что, скажем, Блаженному яду Казакову, Ломоносову или Великому уделено внимание в полную меру их достоинства.

Известную ответственность за отмеченные нами недостатки книг Лопатина и Сытина несет в научная консультация, оказавшаяся все же недостаточной, несмотря на ряд блестящих имен, обозначенных в качестве консультантов и редакторов. Наши замечания не могут умалить основательного труда авторов и заслуг издательства, созданного больше настольные книги для детей, — они скорее имеют в виду необходимость дальнейшей работы и писателя и издателя над созданием книг, способных еще больше, еще глубже пробуждать в подрастающем поколении высокие чувства советского патриотизма и национальной гордости.